

Закон
ПОДЛОСТИ

Екатерина Риз

Екатерина Риз

Закон подлости

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051696
ISBN 9785448517341*

Аннотация

Маша искренне считала, что не хочет от жизни ничего сверхъестественного. Как и любая девушка хочет быть счастливой, любимой, выйти замуж и создать семью. И она встретила своего принца, человека, которого смогла полюбить, который отвечал ей взаимностью. Но, как порой бывает, любовная лодка разбилась. Под насмешливым взглядом надменного родственника... Который откровенно соблазняет... Но не любовью и не страстью. А совсем другой жизнью. С собой.

Содержание

1	5
2	35
3	73
4	103
5	138
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Закон подлости

Екатерина Риз

Дизайнер обложки Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2017

© Екатерина Риз, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1734-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Ей с ранних лет говорили, что она красивая девочка. Это ничего не значило, не приносило никакой пользы, Маша просто была красивой девочкой. Во времена учёбы в школе ей поручали главные роли в спектаклях, заставляли надевать дурацкие народные сарафаны и кокошники, если кому-то из начальства приходило в голову посетить их учебное заведение, и даже посылали на все важные олимпиады среди школьников, если те имели статус выше районной. И никто от неё ничего не ждал, ей не нужно было быть умной и правильно отвечать на вопросы. Считалось, что ей достаточно посидеть за столом вместе со всеми и улыбнуться кому нужно.

Конечно, подобное мнение и восторженное отношение окружающих самооценку девушки повышает, и этого, возможно, хватило бы для жизни, если бы не одно «но»: это раздражало.

В юности Маша часто стояла у зеркала и разглядывала себя, пытаясь понять, что именно так нравится в ней людям. А мама её за это ругала. Видимо, считала, что она окончательно зазнается, и от зеркала гнала. Маша долго не признавалась ей в том, что и сама не в восторге от того, что происходит. Но привычка крутиться перед зеркалом осталась. Изучать себя с пристрастием, но не любоваться, а выиски-

вать изъяны. А это необходимо было делать время от времени, чтобы поддерживать себя в тонусе. К двадцати пяти годам она выяснила, какая именно причёска ей идёт, как справляться с непослушными тёмными кудрями, как выгоднее подчеркнуть глаза и выделить скулы, знала, что ей совершенно не идёт голубой цвет, но зато безумно идёт чёрный. Мужчины говорили, что в чёрном она становится истинной бестией. У неё по-особому горят глаза, и улыбка кажется похорошему сумасшедшей. То есть, ждать от неё можно чего угодно.

В ответ на такие заявления, Маша всегда пленительно улыбалась, хотя, ей всегда хотелось поинтересоваться: когда это она делала что угодно? Это не в её характере. Возможно, со стороны это и незаметно, но она старается обдумывать каждый свой поступок на пути к цели. А цель у неё единственная: быть счастливой.

И счастье – это не что-то иллюзорное, это вполне объективная реальность, в которой тебе удобно и комфортно. У каждого человека своя степень комфорта. Это и внутреннее спокойствие, и любимый человек рядом, и уверенность в своём будущем. Список можно продолжать и продолжать, но всё это останется лишь списком, если ты не сделал ничего, чтобы претворить его в жизнь. Не поймал вовремя удачу за хвост.

Маша вот свою поймала, и в те моменты, когда она не принималась обдумывать каждую мелочь, способную подпор-

тить общую красивую картинку, что сложилась в её жизни в последние месяцы, то была по-настоящему счастлива. Она всё делает правильно.

Вот только никто не знает, чего ей это стоило, и какие усилия она прикладывает до сих пор. Но об этом и не нужно никому знать. Все остальные должны быть впечатлены результатом.

Именно во имя пресловутого результата, Маша и стоит в данный момент перед большим зеркалом в магазине вот уже довольно длительное время и разглядывает себя. На ней платье приятного лилового оттенка от именитого столичного дизайнера, покрой не вызывающий, но подчёркивающий тонкую талию и высокую грудь. Декольте не глубокое, а длина платья, как любит говорить мама, в рамках приличий, которых сейчас так не хватает. Мама человек несколько старомодный, и она всюду ищет эти самые приличия, но, правда, чаще находит их полное отсутствие. Что её сильно расстраивает, а Маше добавляет головной боли, потому что обсуждать отсутствие морали в обществе с матерью приходится ей, а не кому-то другому. А это весьма утомительно, потому что Маше не всегда достаёт терпения с мамой соглашаться. Спасает то, что живут они теперь в разных городах, в двухстах километрах друг от друга.

Подумав о матери, Маша повернулась к зеркалу спиной, и попыталась взглянуть на себя сзади. Примечательная металлическая молния, спускавшаяся до поясницы – и боль-

ше никаких украшений и ничего привлекающего внимания. Маме бы точно понравилось. А если придётся по душе ей, то и для предстоящего мероприятия прекрасно подойдёт. Маша очень хотела выглядеть приличной девушкой, уверенной в себе, а главное, самодостаточной. Это было ещё одним шагом к распланированному будущему, и оступиться сейчас, так сказать, на верхней ступеньке, было бы непростительно.

Выющиеся тёмные волосы падали на плечи, Маша нетерпеливым движением откинула их за спину, затем аккуратно перевернула ценник, свисающий с рукава, посмотрела на цену. Тут же захотелось зажмуриться, а лучше с досады сплюнуть. В конце концов, пришлось напомнить себе ради чего, а точнее, ради кого она всё это делает. Ей нужно это платье.

Ещё и продавщица приблизилась, будто лиса, и принялась соблазнять. Точнее, это она думала, что соблазняет, сомнения Маши по-своему восприняла, и невдомёк ей было, что, не смотря на то, как замечательно платье сидит на Машиной фигуре, она этим совсем не восхищается и не любителю собой.

– Цвет вам к лицу, освежает. И сидит отлично. Обратите внимание на линию плеч, очень женственная модель.

Маша смотрела на себя, в уме прикидывая, насколько всё серьёзно. В плане расходов.

Что ж, на платье хватит. А вот следующие две недели жить будет трудно. Красота это одно, а вот кушать хочется каждый день, и желательно не один раз.

Чёрт.

– Я возьму платье, – проговорила она ровным, чуть ослабленным тоном. На ценник при девушке больше не взглянула. Да и зачем, цифры и без того впечатались в сознание.

Но когда подавала банковскую карту на кассе, внутренне всё-таки дрогнула. Хорошо хоть успела в этом месяце хозяйке квартплату отдать.

День подходил к концу. Людей на улице значительно прибавилось, кто-то спешил с работы домой, кто-то уже успел выбраться на вечернюю прогулку в центр города. Маша шла по улице, помахивала пакетиком с дорогой во всех смыслах покупкой, притворяясь довольной приобретением, и по сторонам поглядывала. Хотелось мороженого, но на сегодня лимит сладкого был уже исчерпан, ещё на работе. Кекс за обедом и после две шоколадные конфеты к кофе. В общем, за погоней к лучшей жизни пока ощущались лишь потери и трудности. Хотя, ей не привыкать.

В областной центр из районного городка Маша перебралась давно, поступила в институт и, без всякого сожаления, оставила прежнюю жизнь. И это, наверное, был единственный её поступок, который мама поддержала без малейшего сомнения. Она хотела, чтобы дочь уехала, хотела, чтобы училась и чего-то добилась. Правда, мама всегда была идеалисткой, и мечтала, чтобы Маша добилась всего трудом и исключительно своим умом, гордилась амбициозностью дочери. До сих пор верила, что в современной жизни большого

города можно добиться всего самой. Можно было с матерью поспорить, попытаться ей рассказать и объяснить, но Маша любила мать, и разбивать её надежды и мечты казалось жестоким. Отец был не таким, он воспринимал жизнь такой, какая она есть, и о несбыточном никогда не мечтал. За дочь радовался, что та уехала в город, что выучилась, работает, а, значит, по определению жить должна хорошо, если не в шоколаде. Позвонила – хорошо, приехала – просто замечательно. Мама частенько злилась на его спокойствие, которое считала равнодушием, они из-за этого ругались, но в целом, жили хорошо, со своими радостями и печалью. В прошлом году серебряную годовщину свадьбы отметили, как и полагается застольем из родственников и друзей. Маша приехала, подарила подарок, точнее, дала родителям денег на новую стиральную машину, улыбалась родне, притворяясь, что у неё в городе всё замечательно, и даже смогла отдохнуть, по крайней мере, отвлечься от будничной суеты.

Обо всех трудностях городской жизни Маша родителям не рассказывала. Так ещё с института повелось. Заселилась в общежитие, и началась самостоятельная жизнь, с её проблемами и напастями. Родители, в силу финансовых обстоятельств, помощью баловали нечасто. К тому же, младшая сестра подрастала, и хотя в большой город не собиралась, Света после девятого класса в местное профессиональное училище поступила, но трат от этого не меньше было. И Маша всё это понимала, и с родителей многого не требова-

ла. Она сама захотела в город, у неё были планы и мечты, и обижаться на отсутствие помощи смысла не было, родители от этого не разбогатеют в одночасье, и её проблемы руками не разведут.

Да и жаловаться было особо не на что. Институт окончила, причём с красным дипломом, стала дипломированным юристом, педагоги её хвалили и ставили в пример. Как раз до того дня, пока Маша не оказалась за порогом этого самого института. Ну, была у неё пара рекомендаций, которые ничего не стоили, и даже на работу её по ним не взяли. Пришлось самой стараться, искать, обивать пороги и опять же улыбаться. Вот при поиске работы внешность сыграла с Машей злую шутку. По всей видимости, работодатели не верили, что она может быть серьёзным юристом. Маша меняла причёску, одевалась строго, даже очки с нулевыми линзами прикупила, чтобы выглядеть солиднее, но помогал этот спектакль мало. В одной из контор ей даже предложили место секретаря-референта. Личного помощника молодого адвоката, который смотрел на неё с явным интересом, и разговаривал с медоточивыми интонациями. Оставалось только подняться и уйти, не дожидаясь ещё более паскудного предложения. Но, в конце концов, работа нашлась, правда, приходилось признать, что работая пять лет на свой диплом, Маша ожидала несколько другого. А, в конечном счете, оказалась в городской адвокатской конторе, штатным юристом на приёме граждан. Серьёзные дела здесь не попадались во-

все, зарплата не радовала, а вот времени работа занимала достаточно. Дома Маша оказывалась обычно ближе к восьми вечера. А ведь и о личной жизни нельзя было забывать. Она ведь не синий чулок, и в свои двадцать пять, помимо работы, хотелось наслаждаться жизнью. Любить, мечтать и даже веселиться.

Подумав о личной жизни, настроение у Маши тут же поднялось. И пакетиком махать стало приятнее, и мысли о потраченных деньгах были позабыты. Хотя бы на некоторое время. А всё потому, что она подумала о Стасе. Именно его, знакомство с ним, Маша и считала своей главной удачей. И страшно было подумать, что в день их знакомства они могли банально разминуться. Пара минут заминки, и разошлись бы, как в море корабли. Маша отлично, в деталях помнила тот день. Начало ноября, неприятный холодный дождь, и она, спешащая на работу с обеденного перерыва. Зонт позабыт дома, она не слишком грациозно перепрыгивает через лужи на асфальте и ругается под нос на своё невезение. И вдруг оно закончилось, будто кто-то наверху щёлкнул пальцами, выглянуло солнце, и появился он. Конечно, прощелчки и солнце Маша себе всё придумала, раскрасила своё воспоминание яркими красками, но, наверное, это присуще любой влюблённой женщине. В общем, они столкнулись на улице. Маша через лужи перепрыгивала, а Стас вышел из ресторана, распахнул дверь, и они столкнулись. Если бы их разделила минута или две, скорее всего, они прошли бы

мимо друг друга, Стас успел бы сесть в машину и уехать, а Маша всё же допрыгала бы до офиса адвокатской конторы, где уселась бы за свой стол и в тоске продолжила приём сограждан. В такое место Стас Тихонов точно никогда бы не зашёл. Ему это точно было ни к чему. Всем известно, что адвокат его семьи не общегородского уровня.

Стас был красив. Этого нельзя было не признать. Высокий брюнет, шикарная улыбка, выдающийся профиль и поистине мужской подбородок. Стас в прошлом профессиональный спортсмен, был в Олимпийской сборной по плаванию, но два года назад оставил спорт из-за травмы. Как он сам рассказывал, переживал всерьёз, пришлось перестраивать не только жизнь и планы на будущее, но и сознание, подстраиваться под новые ритмы, но в итоге, он решил заняться бизнесом и открыл сначала один спортивный клуб, потом другой, и почувствовал успокоение. Есть люди, которые не мыслят своей жизни без спорта. Стас был из таких, и всех вокруг призывал к здоровому образу жизни. И Машу в том числе, и та каждый раз клялась, что с понедельника обязательно. В клубе, на беговой дорожке, с бутылкой минеральной воды в руке... Конечно, негазированной. Она всё прекрасно знает. Но сколько раз она на самом деле была в спортклубе за месяцы их знакомства, можно по пальцам сосчитать.

А знакомы они были восемь месяцев. Восемь самых замечательных, самых ярких месяцев в жизни Маши. Стаса невозможно было не любить, им невозможно было не вос-

хищаться. Казалось, что он может справиться с чем угодно. С какой бы проблемой Маша к нему не приходила, он лишь улыбался и обещал всё исправить. И исправлял. Именно за это Маша его и любила больше всего. За то, что Стас мог справиться с чем угодно, и все проблемы решал легко и с улыбкой. «Один звонок», говорил он, «и проблемы нет». Единственное, от чего Маша всегда отказывалась, это от денег. Стас не знал финансовых проблем, и не раз предлагал Маше, скажем так, содержание. Она предполагала, что для него это было привычным развитием отношений, и удивлял его как раз её отказ, но Маша интуитивно чувствовала, что лучше отказаться. И, вообще, о материальных проблемах с любимым лишний раз не заговаривать. Она точно не содержанка и не любовница на зарплате, она не хочет ею быть. У неё совсем другие планы. И до поры, до времени она готова бороться с жизненными перипетиями самостоятельно. Не давать Стасу повода думать, что у неё меркантильный интерес. Ведь, прежде всего, она его любит. И именно поэтому бравирует, врёт, что её зарплаты хватает на комфортную жизнь, что родители... в состоянии помогать, но она девочка самостоятельная, и неизменно отказывается.

– Я же взрослая. Я со всем могу справиться сама. Ты должен это ценить, дорогой. – Маша улыбалась любимому, стараясь свести всё к шутке. Стас вёлся, хмыкал в ответ. Но однажды спросил:

– Интересно, мужу ты тоже так отвечать будешь?

Тот момент был решающим, Маша до сих пор в это верила. А любимого решила приободрить.

– Мужу не буду. На то он и муж, чтобы заботиться и обеспечивать.

Стас откровенно посмеивался, приглядываясь к ней.

– А я ещё не муж?

Маша покачала головой.

– Ещё нет.

Предложения пришлось ждать ещё пару месяцев. Маша не торопила события, верила, что Стас самостоятельно придёт к решению связать с ней свою жизнь, потому что казалось по-другому и быть не может. Ведь у них всё замечательно. Она даже не подозревала, что такое возможно. Но Стас был лёгким, добрым, смешливым, он готов был сорваться к ней по первому звонку и провести с ней целый день. Такое обычно бывало в выходные дни, но Стас порой даже важные встречи отменял, как сам говорил. Потому что любил свою девочку. И поэтому когда Маша дождалась предложения руки и сердца, восприняла его с восторгом. И тогда вся самостоятельность и остатки сдержанности её покинули, и она, как глупая героиня дешёвой мелодрамы, бросилась любимому на шею. Кажется, даже не дала ему договорить.

– Да, да, я согласна! Стас, я согласна.

Стас хохотал, потом на руки её подхватил, и всё было, как в той самой мелодраме. С кольцом, с шампанским, букетом цветов и бесконечными поцелуями. Следующие сутки они

провели в его квартире, валялись в постели, пили шампанское и строили планы. Причём у Стаса это выходило легко, он был словоохотлив, был уверен, что Маша станет ему прекрасной женой, и даже говорил, что именно такую жену он и искал. Красивую, любящую, весёлую, которая не будет его пилить. Сказал это и тут же переспросил:

– Ты ведь не будешь?

– Не буду, – пообещала Маша. В тот момент она готова была пообещать ему всё, что бы Стас ни захотел.

Он за руку её взял, разглядывал подаренное им кольцо на Машином безымянном пальце.

– Только нужно что-то делать с твоей работой.

– Что?

– Наверное, уволиться. Что тебе делать в этой шарашкиной конторе?

– Вообще-то, дорогой, это городская юридическая консультация.

– Бесплатная.

– Бесплатная.

– Диман говорит, что настоящий юрист не может работать бесплатно.

Маша тогда промолчала. Потому что прекрасно поняла, о ком именно Стас говорит, что за Дима. Это для него он Дима, Диман, брат матери, а для остальных Дмитрий Александрович, юрист с серьёзной адвокатской практикой. В конторе, подобные конторе Харламова, Маша даже не думала за-

ходить в поиске работы. В лучшем случае на неё бы там кинули снисходительный взгляд, но, скорее всего, просто не заметили бы. Про худший вариант развития событий Маша старалась не думать. И поэтому, раз «Диман» говорит, таким, как она следует заткнуться и внимать. Маша видела его, ещё во времена учёбы, её, как одну из лучших студенток, приглашали на показательный судебный процесс, и в защите выступал именно Харламов. В оппонентах у него были столичные юристы, но слушали все только его, а Маша и вовсе с открытым ртом. Дмитрий Харламов был до неприличия уверен в себе, язвителен, даже циничен в некоторых вопросах, и, кажется, ничто на свете его не могло смутить. Именно таким Маша его и запомнила. В безупречном костюме, с усмешкой на губах, но почему-то взъерошенным.

– Нужно найти тебе место попримечнее, – проговорил тем временем Стас, а Маша отвлеклась от своих мыслей. И согласилась.

– Найди. Я не против.

Разбирать соседские дразги и советовать, как лучше составить исковое заявление, изрядно поднадоело. Но самое печальное, что никаких перспектив она не видела. Да и полезной практикой это тоже не назовёшь.

Но работа Машу беспокоила не так сильно, если честно. Было ещё одно обстоятельство, не проблема, но вызывающее явное беспокойство. Это семья Стаса. Он до сих пор не познакомил её с родителями. Уверял, что волноваться не из-за

чего, что родители давно мечтают, чтобы он привёл в дом жену, мама даже морально готова к внукам. После этого откровения Стас рассмеялся, и Маша его поддержала. Но её беспокойство совсем не убавилось. Встречи с будущими родственниками она ждала если не со страхом, то с явными опасениями. Стас убеждал, что все от неё будут в восторге, ведь она умница и красавица, всего в жизни добивается сама, а за это невозможно человека не уважать. Да и, вообще, он взрослый и сам выбирает, на ком ему жениться. И его родители это прекрасно понимают. Вот только его семья... Его семья была не простой. Уж точно не такой простой, как у Маши. Родители Стаса имели серьёзный бизнес в их области, были крайне обеспеченными и даже известными людьми, и для своего единственного сына явно хотели самого лучшего. А Маша не была уверена, что она и есть то лучшее. По крайней мере, для них. И ей только предстоит завоевать их доверие. Дать понять, как сильно она любит их сына, и что его деньги – их деньги! – её совершенно не интересуют. У неё самые благие намерения.

Просто ей повезло, и она встретила своего принца. Настоящего, который готов воплотить в жизнь все её мечты, даже самые нереальные.

Для этого ей и нужно это великолепное платье, на которое она потратила почти все свои деньги. Чтобы произвести впечатление, показать, что она самодостаточная, уверенно строит свою жизнь. Сама. А их сына просто любит. Больше всех

на свете.

Из-за двери её квартиры слышалась музыка. Сразу понятно, что Наташка объявилась дома. Они уже два года на двоих снимали двухкомнатную квартиру недалеко от центра города, успели привыкнуть друг к другу, и Маша за время совместной, так сказать, жизни, смирилась с широтой Наташкиной души. За два года странно было бы не подружиться, но за крепость их дружбы Маша бы не поручилась. Наташка была хорошей девчонкой, весёлой, на неё можно было положиться в трудной ситуации, под настроение та последнюю рубашку готова была с себя снять. Но, правда, настроение такое было редкостью. Они учились в одном институте, пока Маша заучивала на зубок законодательство, Наташа изучала рекламное дело, а после окончания довольно быстро нашла себе работу. Как она сама говорила, ту, о которой всегда мечтала – управляющей в ночном клубе. Клуб был небольшой, не из самых популярных и дорогих, Стас, например, туда никогда не заезжал, ему даже в голову подобное не приходило, но Наташка была довольна. Она пропадала ночами, возвращалась под утро весёлая и переполненная энергией, видимо, ночная жизнь ей, на самом деле, была по душе. А бывало, что и вовсе не возвращалась, пропадая на несколько дней. Вот как сейчас. Вернулась через три дня и встречает Машу громкой музыкой.

Маша вошла в квартиру, прикрыла за собой дверь, и, не разуваясь, прошла к открытой двери в Наташкину комна-

ту. Заглянула. Соседка даже не заметила её появления. Танцевала, в лёгком платье, больше похожем на комбинацию, в руке бокал вина, глаза закрыты и подпевала известной песне. Мужской голос с задором пел о предстоящей свадьбе, любви, и Наташка, видимо, заслушалась. Маша наблюдала за ней с усмешкой, а Наташа вдруг глаза открыла, увидела её и радостно разулыбалась.

– Машка!

Она была немного пьяна, что добавляло ей веселья. Рукой замахала, призывая Машу к себе. Та рассмеялась, оставила на полу свою сумку и пакет с обновкой, и к подруге подступила, подстраиваясь под её движения. Они даже спели на два голоса, потом расхохотались, а Наташа протянула ей свой бокал с вином. Маша отказываться не стала, сделала глоток, наблюдая за веселящейся подругой. Наташка задорно крутила попой в такт музыке и радовалась чему-то безмерно. И поэтому когда песня закончилась, Маша поинтересовалась:

– Что отмечаем?

– Меня повысили, – сообщила Наташа, и хлопнула в ладоши. Сделала ещё одно танцевальное па, затем остановилась, уперев руки в бока.

– Куда тебя ещё повышать? – вроде как удивилась Маша. – Ты и так управляющая.

Наташа музыку выключила, подошла к зеркалу и собрала рыжие волосы в хвост, полюбовалась на себя. Рыжей она ста-

ла неделю назад, и, кажется, до сих пор насмотреться на себя не могла. А когда Маша вопрос задала, резко обернулась к ней, приняла соблазнительную позу.

– Я же красавица. И умница. Начальство московское приехало, на меня посмотрело, и решило со мной согласиться.

– В том, что ты красавица?

– И в этом тоже.

– Так ты три дня с московским начальством зависала?

– Машка, ты ничего не понимаешь. Мы инспектировали... новый объект.

– Ой, хоть мне-то не ври. То-то ты вернулась такая веселая.

– А чего мне грустить? У меня всё отлично. Я с понедельника в «Клетке» работаю.

Маша искренне удивилась, и решила, что это и, правда, повод за подругу порадоваться. «Клетка», не смотря на название, клуб в городе популярный, прежнее Наташкино место работы по сравнению с этим, караоке-бар.

– А ты? Как дела? Сто лет не виделись.

– Три дня, Наташ.

– У меня за эти три дня жизнь, можно сказать, изменилась. Могло и у тебя что-то произойти.

– Не могу сказать, что кардинальное.

Наташка плюхнулась рядом с ней на диван, отхлебнула вина прямо из бутылки. А на Машу посмотрела с ожиданием. Та томить неизвестностью не стала, и сообщила:

– Это, наконец, случится. В субботу.

Наташа без всяких подсказок поняла, о чём речь и только протянула:

– О-о, сподобился всё-таки.

Маша легонько стукнула её по руке.

– Перестань. Я сама не была готова.

– Ты мне-то не рассказывай. Не готова она была. По-моему, ты со второго дня знакомства со Стасиком была готова ко всему. И сразу. И даже к его предкам. Это он тянул.

– Я платье купила. Хочешь, покажу?

– Конечно, хочу.

Решив замять тему «почему тянул Стас», так любимую Наташей и ненавидимую ею, Маша с дивана поднялась, схватила с пола пакет с покупкой и поспешила в свою комнату, переодеваться.

– Давай, показывай, чем ты будущих родственников покорять собираешься!

Наташа снова включила музыку, и всё поторапливала Машу. А когда та появилась в дверях её комнаты, жадно уставилась. Маша подняла волосы наверх, и, смеясь, прошлась по комнате, пританцовывая под музыку. Повернулась несколько раз, когда Наташа пальцем в воздухе покрутила. Особо довольной соседка не выглядела, а когда музыку убавила, сложила руки на груди, продолжая Машу разглядывать. Потом спросила:

– Сколько стоит? – Маша цену озвучила, Наташа моргну-

ла. Кажется, даже протрезвела немного. И сказала: – Убьётся.

Маша перестала изображать энтузиазм, остановилась перед зеркалом, посмотрела на себя. И сказала, наверное, своему отражению:

– Это очень важное платье.

– Надеюсь, Стас тебе компенсирует?

– С ума сошла? Я ему даже не скажу ничего. Ему не нужно это знать.

– Дура ты, Машка. Я бы точно раскрутила. На подарочек.

Маша провела ладонями по своим бокам, разглаживая лёгкую ткань. Не отрывала глаз от зеркала, даже боком повернулась.

– Нет, я должна сама. Я замуж за него выхожу, а не в содержанки набиваюсь. А вдруг его родители узнают?

– Что он тебе платье купил?

– Всё равно это будет некрасиво.

– Значит, событие года в эту субботу?

– Я жутко волнуюсь. – Маша машинально покрутила на пальце обручальное кольцо.

– Тут главное себя с самого начала правильно поставить, – принялась поучать её Наташа. – Будь уверенной в себе, улыбайся широко, и ухо остро всегда держи. Главное до загса его довести.

– Натка, завязывай со своими советами. Я и без того нервничаю. – Маша даже рассердилась на подругу. Уж насколько

ко сама была реалисткой по жизни, но у Наташки взгляд на жизнь был откровенно пессимистический. Она ни от кого ничего не ждала, и ради желаемого готова была лбом стены прошибать. Наверное, это похвально, но порой становилось грустно, просто слушать её. В Наташиной жизни места чуду не находилось, никогда. И Машу она всегда готовила к такому же сценарию: за своё надо драться. Не стесняясь.

Стас появился ближе к девяти вечера, довольный, и, видимо, не ожидал застать Наташку. Та открыла ему дверь, в халате и успевшая заснуть после нескольких дней беспрестанной работы и излишка потреблённого в эти дни алкоголя, и поэтому Стасу досталось за то, что разбудил её.

– Ходят тут всякие, – недовольно проговорила она, возвращаясь в свою комнату. – Отдохнуть не дают человеку.

– От чего отдыхаешь? – заинтересовался Стас, и деловито встряхнул букет цветов, чтобы тот распушился и принял по-особенному торжественный вид. А вот на Наташу Стас весело косился.

– От работы! Не видно?

– А, да, тебя же неделю не было. Не заработалась, красавица?

Наташа обернулась на него в дверях, бросила выразительный взгляд.

– Не пошёл бы ты, женишок. Учить он меня ещё будет.

– Кстати, о женихах и невестах. Где моя?

– Работает. Уши наушниками как всегда заткнула, а мне

встречай гостей. Делайте, что хотите, — в конце концов, рассвирепела уставшая соседка, — только не мешайте мне спать. — Она дверь перед Стасом захлопнула, но тот даже головы не повернул. Подхватил пакет, что принёс с собой, ногой толкнул соседнюю дверь, так как руки заняты были, и вошёл в полутёмную спальню. Маша, на самом деле, не слышала ничего из того, что происходило за дверью её комнаты, в ушах звучал Стинг, была у неё привычка работать под музыку, ещё со времён учёбы осталась. И когда Стас приблизился к её письменному столу и наклонился, чтобы девушку поцеловать, она совершенно искренне схватилась за сердце.

— Бог мой, Стас!

Он рассмеялся, всё же клюнул её в щёку.

— Ну, если ты так считаешь, то да, это я — твой Бог!

Маша шутливо толкнула его в бок, потом заметила цветы и разулыбалась. Руки к букету протянула, правда, поинтересовалась:

— Что за повод?

— Не стану заигрывать и говорить, что повод мне совершенно не нужен, но сегодня он есть.

Маша положила букет на стол, на стуле развернулась, на Стаса посмотрела.

— Что случилось?

Стас присел на край дивана напротив неё, достал из пакета шампанское.

— Помнишь, я рассказывал тебе про большое помещение

на Спасской? Так вот, его можно выкупить за сущие копейки. Оно повисло после судебной тяжбы, и город совершенно не знает, что с ним делать. Готовы продать.

– Но, Стас, это центр города. Там аренда безумно дорогая.

– Вот именно. Но мне готовы пойти на уступки. К тому же, фактически оно в данный момент никому не принадлежит.

Маша раздумывала. Стас выглядел довольным, ловко открыл шампанское, даже за бокалами сходил и их наполнил. Один протянул Маше, но та продолжала смотреть на него в сомнениях.

– Ты уверен, что это законно? – спросила она, в конце концов.

Стас качнул головой, снова напротив неё присел. Взглянул снисходительно.

– Я и забыл, что ты у меня юрист.

– Ты всегда об этом забываешь, – проговорила она быстро, – но дело не в этом. Стас, могут быть проблемы.

– Не будет никаких проблем. – Он наклонился к ней, поцеловал в нос, а в глаза заглянул и подмигнул. – Тебе пора к этому привыкать.

– К чему?

– К тому, что у тебя больше никаких проблем в жизни не будет.

– Так я и не о себе.

– И у меня не будет. Маша, в самом деле! Я думал, мы с тобой отпразднуем, я так давно хотел выкупить это здание,

а ты смотришь на меня так, будто я кого-то убил.

Маша заставила себя расслабиться, бокал в руке сжала, но уже в следующую секунду Стасу улыбнулась. Протянула к нему руку и потрепала за ухом, когда тот склонил к ней голову, совсем, как кот. Он любил, когда она так делала, его это смешило.

– Ты молодец, – похвалила она.

– Я знаю, – отозвался он. Шампанское залпом выпил. Крепко поцеловал Машу, прежде чем встать. – Ты ещё долго собираешься работать? Я есть хочу, я заказал столик на девять.

Это было одной из сторон повседневной жизни со Стасом Тихоновым. Каждодневные ужины в ресторанах, клубы, друзья, Стас жил полной жизнью и менять круг своих интересов не хотел. В начале их отношений Маша была обескуражена его энергией, энтузиазмом, столь бурной общественной жизнью, но опять же – это был Стас Тихонов. Его знали все, его любили все. Он был знаменитостью, совсем недавно о нём даже писали в популярном столичном журнале, в светской хронике. Стас уже несколько лет не жил и не тренировался в столице, а его помнили и уважали. И мало того, помнили наперечёт всех девушек, с которыми он в то время встречался. Оказывается, их было немало. Маша статью в том журнале раз пятнадцать перечитала, прежде чем решила, что ей стоит отставить в стороны все сомнения, и собой начать всерьёз гордиться. Потому что ни одной из столичных краса-

виц Стас предложения так и не сделал, хотя об этом не раз сплетничали и продолжения ждали. А вот у неё на пальце обручальное кольцо, впереди знакомство с его родителями, и, по всей видимости, свадьба. Поэтому и сейчас ей должно оставить недоделанную работу, выключить компьютер, переодеться и отправиться с любимым на поиски ночных приключений.

– Ты меня любишь?

Она переодевалась перед зеркалом, только успела резинку чулка расправить, как Стас подошёл, обхватил её руками и прижался губами к Машиной шее. Задышал жарко, сжимая тёплыми ладонями её бока, а губы продолжали щеко-тать шею. Маша засмеялась, сумела повернуться и обняла его, поцеловала в подбородок.

– Люблю. Я тебя люблю.

– И замуж выйдешь?

– И замуж выйду, – пропела она.

Стас улыбался ей в губы, потом под ягодицы подхватил и крепче прижал к себе. Попятился к дивану, а Маша на часы указала.

– Мы не торопимся в ресторан?

– Чёрт с ним, с рестораном. – Губы целовали её грудь, пальцы тянули кружево бюстгальтера, Маша на Стасе повисла, обхватила ногами, ответила на жадный поцелуй, и так они повалились на не разобранный диван. Тот не скрипнул, тот заскрежетал и натурально охнул под ними, всё-таки ди-

ван уже давно стоило заменить, а в стену тут же заколотили, и послышался возмущённый Наташкин голос:

– Да что же вы за сволочи такие шумные, а?

Влюблённые на диване замерли, Маша в некотором смущении и вине, а вот Стас расстроено вздохнул, руки в стороны раскинул. Взглянул мрачно.

– Поехали ужинать. А потом ко мне. У меня прибабахнутых соседей нет.

Маша тут же шикнула на него.

– Тише, она же услышит.

Стас оставил её на диване, поднялся и подтянул ремень на джинсах, а Машу поторопил:

– Поехали.

У подъезда был припаркован спортивный двухдверный «Chevrolet» синего цвета. Стас обожал эту машину, и за мощность, и за то, сколько внимания она к себе привлекает. Подобной машины в их городе больше не было. Вот и сейчас прошёл к водительскому месту, и рукой по капоту провёл. Вряд ли сам заметил это движение за собой, но оно показывало, насколько он своей машиной дорожит и гордится. Маша наблюдала за ним, улыбнулась, когда Стас рядом оказался. Он на эту улыбку отреагировал, наклонился к ней, чтобы поцеловать. Рука тут же нырнула под подол её платья, пальцы нащупали резинку чулка и погладили кожу над ней, дразня. Его руку Маша убрала. Напомнила:

– Мы опаздываем.

– Доедем за пять минут, – пообещал он, и стартовал практически с места. Если честно, Маша не слишком любила его манеру водить, в этом вопросе Стас её беспокоил, вот и сейчас она поспешила пристегнуть ремень безопасности. А любимому сказала:

– Я не настолько голодна.

– Малыш, перестань трусить.

Она вздохнула. За окном проносились яркие улочки центра города.

– Стас, ты читал статью? – спросила она неожиданно. И тут же себя за это отругала. Ведь не собиралась с ним заговаривать о том дурацком журнале. Решила, что просто промолчит, не покажет, что её статья задела или даже заинтересовала. Но вдруг вырвалось.

А Стас то ли решил изобразить непонимание, то ли на самом деле не понял, о чём она говорит. Кинул на Машу вопросительный взгляд, приподнял брови. Пришлось пояснять. Дёрнул же чёрт за язык.

– В «Star» о тебе статья вышла на прошлой неделе. Ты разве не читал?

– Мама что-то говорила. А ты читала?

– Иначе, зачем бы я спрашивала?

– И что писали? Как мне в жизни не повезло, как я по дурачности своей едва без плечевого сустава не остался? Они любят детали посмаковать.

– Стас, это же «Star»! Зачем им твой сустав?

– А что тогда?

Маша на него посмотрела, изобразила милую улыбку.

– Писали, как им в Москве без тебя скучно. А в особенно-сти, скучно девушкам, всяким певичкам и моделям. – Маша схватила любимого за плечо и слегка потрясла. – Скажи как на духу: много их было?

Стас захохотал.

– Машка, ты ревнуешь?

Она решила удивиться.

– Конечно, я ревную! Считаешь, что повода нет? Там целый список был. Из десяти имён...

– Из десяти? – Стас откровенно поразился. – Что-то они преуменьшили, наверное, места на странице не хватило.

Маша от души его стукнула.

– Как ты можешь? Я переживаю, я неделю молча страдала, а ты ещё и издеваешься.

– А чего страдала-то?

Она отвернулась от него, от возмущения в голове кипело, и снова созналась:

– Ревновала.

– Ох, Машка, ты дура.

– Так, ты сейчас договоришься, умник.

– Так ты сама подумай, их сколько было? А ты у меня одна.

Маша смотрела в окно, но невольно начала улыбаться. Довольно быстро простила ему всё, что надумала себе за про-

шедшую неделю, и взяла Стаса под руку, пользуясь тем, что его рука лежала на ручке переключения передач. Переспросила:

– Одна?

– Единственная. Люблю тебя со всем твоим трудоголизмом, небольшой придурью и красивой мордашкой.

– Если бы я была трудоголиком, осталась бы дома, работать над новыми делами, а я здесь, с тобой.

– И это правильно. Нельзя от людей такую красоту прятать, они должны видеть, знать... А вот и «Мартиника».

«Мартиника» – любимый ресторан Стаса. Заведение не отличалось официальностью, пафосом и даже статусом, здесь нельзя было встретить мужчин в дорогих костюмах, и здесь не назначали деловых встреч. Это было место, которое обожала «золотая молодёжь». Пьянок и скандалов здесь тоже не случалось, играла музыка, часто живая, здесь не устраивали пирушек и шумных вечеринок, сюда приезжали поужинать. Маша считала, что детки богатых родителей избрали себе этакую тихую гавань, чтобы походить на родителей, притворяясь серьёзными, успешными и разбирающимися в жизни. Разговоров и намёков на это никто бы из здешних завсегдатаев не потерпел, даже Стас, и Маша эти мысли не озвучивала, но так считала. За последние месяцы свела близкое знакомство со многими друзьями и приятелями Стаса, и уже могла позволить себе делать выводы. Вот только её выводы никого не интересовали, она всё ещё значи-

лась подружкой Стаса Тихонова и не более того, про помолвку никто из его друзей не знал, а они не кричали об этом на каждом углу. Стас просил повременить, подождать, и Маша прекрасно понимала, чего они ждут. Предстоящей субботы. Пережив этот день, она станет официальной невестой единственного сына Тихоновых, и тогда уже никто не будет от неё отмахиваться и считать, что её мнение неважно. А до тех пор стоило держаться хладнокровно, а заодно перевернуть обручальное колечко на пальце бриллиантом вниз, а ещё лучше – снять, на время. Именно так Маша и поступила, без всяких напоминаний и просьб. Она ведь любит Стаса, и прекрасно понимает все его обстоятельства.

В зале они появились, держась за руки, счастливые и довольные друг другом. Стас махнул рукой знакомым, а Маше негромко предложил:

– Поужинаем вдвоём? Гришка отмечает окончание новой рекламной компании, подсчитывает прибыль, с ним сейчас совершенно невозможно общаться. Он от себя тащится.

– Только рада буду, – призналась Маша.

– Заодно поговорим.

– О чём поговорим? – Они присели за стол, Маша положила на колени льняную салфетку, официанту скупно улыбнулась, принимая от того папку с меню.

– Я вот тут подумал, может, нам стоит пригласить твоих родителей приехать? Конечно, не в субботу, но я уверен, что мои захотят с ними познакомиться. И будет странно, если

выяснится, что и я-то с ними незнаком.

Маша долго раскладывала салфетку у себя на коленях, скрываясь от взгляда Стаса, но при этом не забывала ему улыбаться.

– Конечно. Это, на самом деле, странно.

– Ты ведь им сказала? – Стас всё же попытался поймать её взгляд, для этого ему даже пришлось голову наклонить. – Маша.

Она выдохнула.

– Нет, не сказала! Стас, я слишком переживаю, думая о встрече с твоими родственниками. Мне ещё не хватает бесконечных разговоров с мамой. Давай... я скажу им после субботы. Это будет самое правильное решение.

Стас выразительно поджал губы, к Маше приглядывался, но, в конце концов, усмехнулся. И переигрывая благодушие, проговорил:

– Давай после субботы. Но как же ты любишь обо всём переживать!

Маша растянула губы в старательной улыбке. Принесли салат, а она есть не могла, а всё оттого, что стало ясно: её вранью о родителях приходит конец. Интересно, как родители Стаса, состоятельные и успешные, посмотрят на то, что их сын собирается жениться на дочке автослесаря и заведующей заводской столовой?

У Стаса была отдельная квартира в новостройке на проспекте Мира. Престижный район, престижный жилой комплекс с огороженной территорией и подземным гаражом. Квартиры в этом доме стоили больших денег, и габаритами даже не радовали, а поражали. Двухкомнатная, что принадлежала Стасу, была вдвое просторнее, чем трёшка, в которой проживали Машины родители. Большая спальня с окнами полукругом, огромная кухня-гостиная, в которой запросто можно было устроить вечеринку человек на пятьдесят. А из окон потрясающий вид на центр города, с его высотками, ухоженными улочками и скверами. С семнадцатого этажа вид вроде бы привычного и изученного, завораживал. Маша любила стоять у окна и смотреть вниз.

А вот Стас не ценил. Ни то, что имел, ни свои перспективы и возможности. Он ко всему относился привычно, с толикой превосходства над жизненными обстоятельствами. Осуждать его за это было нельзя, он рос в обеспеченной семье, его холили и лелеяли, как единственного ребёнка, это дало ему уверенность в себе и в принимаемых решениях. Даже если в чём-то Стас оказывался не прав, переубедить его бывало сложно. Но Маше это не казалось недостатком. Ей хватает собственных сомнений, мужчина рядом должен быть другим, разве не так? А Стас по натуре победитель, он

привык бросать вызов, соревноваться и побеждать, а это хороший задел на будущее. Не смотря на рухнувшую спортивную карьеру, он сумел справиться с разочарованием и начать новую жизнь. Маша его за это безмерно уважала. А сам Стас, порой посмеиваясь и над собой, и над обстоятельствами, говорил, что родителей время от времени нужно слушать. Вот заставила его мать в своё время окончить институт, а не зацикливаться на отборе в олимпийскую сборную, и вот он вне профессионального спорта, зато дипломированный специалист по антикризисному управлению. Бизнесом занимается, вполне успешно.

– Поэтому сразу в ступор не впадай при знакомстве с моей мамой, присмотришься к ней. Она неплохой человек.

– А кто говорит, что она плохая?

Стас весело хмыкнул.

– Мнения разные бытуют.

Они лежали, обнявшись, на диване, раскидав по полу подушки, разговаривали и смотрели в окна. Погода неожиданно испортилась, и этим утром по небу плыли плотные, свинцовые тучи. Собирался дождь. На часах девять утра, Маша собиралась на работу, но лишь к одиннадцати, и Стас решил провести утро с ней. Вместе проснулись, вместе позавтракали, а теперь обнимались на диване, что может быть лучше? Не смотря на мрак на улице, день начинается удачно. Но хорошего помаленьку, и решив дать Маше немного времени для того, чтобы обдумать его наставления по поводу отно-

шений с его матерью, Стас поцеловал её в плечо, сдвинув ткань рубашки, и с дивана поднялся.

– Пойду в душ. Сваришь ещё кофе?

– Конечно, – пообещала она, продолжая задумчиво смотреть на небо за окном. Стас эту задумчивость отметил, усмехнулся и шутливо потрепал Машу по волосам. После чего наклонился, голову ей запрокинул и крепко поцеловал под подбородком, коснулся языком ямки, в которой бился пульс. Маша всё-таки засмеялась.

– Стас, щекотно.

– Я хочу тебя в жёны, – сообщил он, как любил делать. И ушёл из комнаты. А Маша всё никак не могла улыбку с лица убрать. Лежала, вытянувшись, на диване, руки за голову закинула, и улыбалась.

Отвлёк её мобильный Стаса, он валялся на полу рядом с диваном, и когда он зазвонил, Маша невольно опустила к нему взгляд. На экране высветилась не фотография, а картинка, яркая, но не слишком приличная. Мужская рука, демонстрирующая средний палец. А сверху имя. Возможно, если бы не это имя, Маша от звонка отмахнулась, но интуитивно решила, что делать этого не стоит. И поэтому крикнула в глубину квартиры:

– Стас, тебе звонят!

– Кто?

На мгновение замаялась.

– Дмитрий Александрович.

– Кто? А... Скажи ему, что я перезвоню.

Она скажи? Телефон настойчиво тренькал, в душе послышался шум льющейся воды, и Маша, понимая, что делать нечего, протянула руку за телефоном.

– Спишь, что ли? – послышался в трубке нелюбезный голос, прежде чем Маша успела что-то сказать. И этот голос ударил по нервам, совершенно неожиданно, а Маша вдруг вспомнила его обладателя в зале суда. Судя по всему, Дмитрий Харламов редко бывал с кем-то любезен.

– Э... Здравствуйте, – проговорила она, расстроившись из-за того, что сбилась в самом начале. – Стас не может подойти, он в душе. Просил передать, что перезвонит вам.

Повисла секундная пауза, затем послышалось глубоко-мысленное хмыканье.

– Вот как.

Маша была уверена, что Харламов немедленно повесит трубку, так и не услышав племянника. И поэтому поторопилась предложить:

– Дмитрий Александрович, если что-то срочное, я могу Стасу передать.

Кажется, он вернул трубку к уху. И что-то Маше подсказало, что его заинтересовало его имя-отчество, так легко слетевшее с её языка. Харламов даже поинтересовался:

– Ты кто?

– Маша.

– Маша?

– Его невеста.

– У Стаса невеста есть? – Дмитрий откровенно развеселился. Признал: – Это любопытно. – И отключился.

А Маша ещё некоторое время в смятении смотрела на замолчавший телефон.

Стас про звонок спросил сразу, как только из душа вышел. Тут же поинтересовался, что дядя хотел.

– Он не сказал, – призналась Маша. Подала любимому чашку горячего кофе. – Сразу трубку положил. Только удивился.

– Чему?

– Тому, что у тебя есть невеста. Ты ему не говорил?

– Его это не интересует. Хотя, не так, – Стас даже рассмеялся, – это за гранью его интересов.

Маша непонимающе нахмурилась.

– В каком смысле?

Стас остановил на ней свой взгляд, видимо, осознал, на какие мысли Машу навёл, и даже чашку с кофе на стол поставил, чтобы не опрокинуть, так захохотал.

– Не скажи кому-нибудь, Димка тебя проклянёт и страшно отомстит!

Маша руками развела.

– Ты сам сказал, что его не интересует...

– Всё, что связано с браком, его не интересует. А до баб он охоч. Отец так говорит. Выражение из прошлого века.

Маша прошла к кухонному окну и присела на широ-

кий подоконник. Почему-то продолжала думать о Харламо-
ве и его интересах.

– Он был женат?

– Был. Я её помню, стервозная блондинка с претензиями.
Но это было лет десять назад, я тогда больше времени на сбо-
рах проводил, а если и жил, то в Москве. Так что с тётуш-
кой близкого знакомства не свёл. А жаль, помню, у неё была
шикарная грудь.

– Стас. – Маша глянула на него с осуждающей насмешкой.

– Что? – решил удивиться он. – Это то, что я о ней запом-
нил.

– Они развелись?

– Да. Лет через пять. Дима говорит, что семейная жизнь
его не впечатлила. А ты чего выпрашиваешь?

Маша легко пожала плечами.

– Любопытно. Это же Харламов! Оказывается, он тоже
живой человек.

– Ещё какой живой.

– Ты ему позвонишь?

– Позвоню. Из офиса. Тебя на работу отвезти?

Маша посмотрела на часы и поднялась.

– Да, я только оденусь.

Конечно, информация о том, что Дмитрий Харламов баб-
ник и когда-то пережил развод, никакой фактической поль-
зы принести не могла. И просто взять и попросить Стаса по-
говорить с дядей о её, так сказать, трудоустройстве (хотя бы

шансе на него), Маша не осмелилась. Даже не намекнула. Надеялась, что Стас сам догадается, особенно после того, как обещал подумать о смене её места работы, у него ведь такой родственник подходящий, с собственной адвокатской фирмой, но пока что ничего не происходило. И Маша, обдумав причины своей трусости, решила оставить всё на волю случая. То есть, на ту самую пресловутую субботу. Ведь Дмитрий Александрович член семьи, и, возможно, на семейном ужине будет присутствовать. И им даже удастся поговорить, обменяться... чем-нибудь. В виде мнений или телефонов. И если это случится, Маша шанс не упустит.

Территория загородного дома Тихоновых была идеально обустроена. На газоне не было места лишнему листику, а трава словно сама подстраивалась под требуемый стандарт, а если вытягивалась на лишние пару сантиметров, её безжалостно срезали. За этим следил садовник. А вот цветами на многочисленных клумбах, занималась лично хозяйка дома. Анна Александровна. Цветоводство было её любимым занятием. Даже зимой, в морозы, она старательно выращивала розы и орхидеи, в специально пристроенном к дому зимнем саду. Она много времени проводила там, часто в одиночестве, единственный, кто составлял ей компанию в такие минуты, это огромный, откормленный кот Афанасий. Когда-то его принесли в дом тощим чёрно-белым котёнком, охранники подбросили ближе к кухне, а этот нахалё-

нок на кухне не прижился, довольно скоро пробрался в дом, на хозяйскую территорию, и облюбовал себе кресло у камина. Запретить ему спать в этом кресле не мог никто, даже Анна Александровна. Котёнка прогоняли из комнаты, из дома, даже за ворота выкидывали, но он настырно возвращался, сначала к своей миске на кухне, а затем шёл отдыхать в любимое кресло. В конце концов, все сдались, на кота перестали ругаться, а после и замечать его присутствие, и со временем вышло так, что уличный котёнок стал питомцем Тихоновых. Окончательно это стало понятно, когда хозяину дома, Борису Николаевичу, пришлось впервые отправляться к соседям, которые выловили усатого нахала на своём участке. И он, как они заявили, дразнил их ротвейлеров, прогуливаясь за стеклянными дверями их гостиной, и совершенно не реагируя на несмолкающий, грозный лай и брызжущую на стекло слюну двух массивных зверюг. Тогда Борису Николаевичу пришлось извиняться, сунуть под мышку ставшего достаточно увесистым кота, и отправляться восвояси, на ходу припоминая, когда в последний раз и перед кем ему приходилось так расшаркиваться. А тут из-за какого-то кота!

С тех пор прошло три года, Афанасий присмирел, дразнить соседских собак ему наскучило, да и пропорции уже не позволяли просовываться между прутьями забора. Теперь, чтобы попасть на соседний участок, необходимо было делать внушительный крюк, и Афанасий ленился. И предпочитал жизнь вести спокойную и степенную, составлял ком-

панию хозяйке, спал в любимом кресле и время от времени от скуки наблюдал за птичками в саду. И он никогда не чихал от запаха роз, как Борис Николаевич, за что был особенно любим хозяйкой.

Единственный человек, который вносил смуту в существование Афанасия, это брат хозяйки, который появлялся всегда неожиданно и также неожиданно кота хватал и принимался тискать, будто до сих пор не понимал, как тот мог прижиться в этом доме. Дмитрий теребил кота за ушами, ставил на задние лапы, хватал за пушистый хвост, а гневный, недовольный взгляд животного, его, кажется, лишь сильнее забавлял. Вот и сейчас появился, схватил, потянул за уши. Афанасий вздохнул, мотнул ушастой головой, кинул страдальческий взгляд на хозяйку. Та, правда, отреагировала тут же, и брата попросила:

– Оставь его в покое, Дима. Ты как маленький.

Дмитрий Харламов, тридцатипятилетний успешный адвокат и самый язвительный человек города, как считали многие, а не он сам, лишь усмехнулся. А кота погладил между ушей в качестве примирения.

– Ты же знаешь, я люблю всякую живность.

Анна Александровна выразительно глянула на младшего брата.

– Перестань выдумывать, ей-богу. Когда это ты любил домашних животных?

– Всегда. – Дмитрий оставил кота в покое, смахнул

несколько волосков шерсти с рукава костюма и отошёл в сторону. Огляделся. В теплице висел приторный аромат цветов. Вроде и приятный, но угнетающий. Но его сестре в этой атмосфере было комфортно. Из-за аллергии Бориса на аромат роз, в доме живых цветов никогда не было, зато в зимнем саду всё благоухало.

– Помнишь, у меня в детстве собака была?

Анна Александровна в последний раз клацнула садовым секатором, затем отложила его и сняла с рук перчатки. А брату сказала:

– У тебя не было собаки, Дима.

Тот удивился.

– Была. Я точно помню. Рыжая такая, и хвост бубликом.

Анна Александровна улыбнулась.

– Это был щенок. Тебе его дед подарил. Он прожил у тебя неделю, после чего ты обменял его на конструктор у соседского мальчишки.

– Я был всесторонне развитым ребёнком.

– Ещё бы. Уже тогда у тебя здорово получалось убеждать людей в том, что им нисколько не нужно и не интересно. Поэтому никто не удивился, когда ты стал адвокатом.

– Нюта, ты говоришь это с огорчением.

– Отнюдь. Не представляю тебя никем другим. Зачем ты приехал? Боря в офисе.

– Знаю. Я из области ехал, решил завернуть. Думаю, старшая сестра не откажется меня обедом покормить.

Анна Александровна ничего не ответила, прошла мимо него, взяла на руки кота. Афанасий прильнул к её плечу, довольно прищурился. А Дмитрий руку протянул и дёрнул его за ухо. Кот гордо отвернулся.

– Жениться тебе надо, – сказала Анна Александровна, когда они в дом вошли. Вошли через заднюю дверь, прошли мимо кухни, и Дмитрий краем глаза заметил, как всполошилась обслуга, до этого отдохавшая за чаепитием. Его сестра даже головы в их сторону не повернула, а они из-за стола повскакивали. Это позабавило. Из кухни за ними вышла женщина строгой наружности, в накрахмаленной белой блузке со стоячим воротничком, и без слов последовала следом. Дмитрий оглянулся на нее и сказал:

– Обед.

Женщина тут же вернулась на кухню. А Дмитрий сестре сообщил:

– Всё время забываю, как её зовут.

– Галина.

– Галина, – повторил он нараспев. Вошёл в гостиную, уселся в любимое кресло Афанасия и закинул ногу на ногу. За сестрой наблюдал. У них была достаточно серьёзная разница в возрасте, в двенадцать лет, но Аня выглядела для своего возраста хорошо. Не как некоторые кинозвёзды, которые в пятьдесят стремились выглядеть не больше чем на тридцать, в таких случаях не возраст, а усилия в глаза бросались. А Аня, в свои сорок семь, выглядела, как и положено нор-

мальной женщине, моложе лет на пять. Ухоженная, стильная, очень воспитанная и степенная. Она всегда точно знала, к какому результату идёт, какой бы сферы жизни это не касалось, и редко отступала. И, надо сказать, что её муж, не смотря на деловую хватку, которую он проявлял в бизнесе, оставлял ей ведущую роль во всём, что касалось семьи и дома. Как и любому мужчине, ему было скучно заниматься рутинной, а Аня вела домашние дела твёрдой рукой. Дом у них был немаленький, услуги хватало, и все перед ней замирали, в ожидании очередного указания. Они жили так уже довольно много лет, а Дмитрий не уставал поражаться умению сестры руководить. Аня никогда не работала, но в ней явно пропадал талант руководителя.

У него же домов не было, и не было необходимости в прислуге. В его квартиру на Тихонравова дважды в неделю навещалась женщина из специализированной конторы, прибиралась в квартире, относила вещи в химчистку и заботилась о том, чтобы в его холодильнике не заканчивались продукты. Признаться, Дмитрий с ней нечасто встречался, и не очень хорошо её в лицо помнил. Столкнись они в подъезде, а не у него в квартире, он, скорее всего, пройдёт мимо, не узнав. А вот у Ани всё на контроле, каждая малость. А сейчас она и его пытается контролировать, хотя бы этим бессмысленным намёком.

– Не нужно мне жениться, – сказал он, вспомнив её недавние слова. – Опять развод, опять алименты.

– Дима, у тебя ни одной кандидатуры на примете, а ты уже о разводе говоришь. А знаешь почему? Потому что жениться надо на подходящих девушках. С которыми не придётся разводиться.

– Очень интересно. Это какой же она должна быть?

– Воспитанная, Дима. Из хорошей семьи. Которая бы понимала, что к чему.

– Что к чему, – повторил за ней Дима. – А что к чему, Нюта?

– Прекрати строить из себя дурачка. Ты всё понимаешь.

– Понимаю. И меня с души воротит от скуки после твоих слов.

Молодая девушка в сером форменном платье накрывала на стол, и Дмитрий Александрович за ней наблюдал. Девушка не была красавицей, но фигурка ладная. Анна Александровна его взгляд перехватила и ткнула брата пальцем в лоб. Дмитрий рассмеялась, чем, кажется, напугал горничную. Та опасливо оглянулась на него через плечо. Странно, но женщины в этом доме его не жаловали. Не боялись, нельзя сказать, что не любили, но он чем-то вызывал их опасения. Помнится, работала у Ани в доме симпатичная девушка, вечно кокетничала с охранниками у въезда, а вот его избегала. Даже вытаращилась на него испуганно, когда Харламову пришлось в голову ей подмигнуть. Но Дмитрий подозревал, что девушек запугала его сестра. Скорее всего, строго-настрого приказала даже не помышлять про шуры-муры

в доме, тем более в отношении хозяев. Дмитрий часто бывал в доме Тихоновых, поэтому попадал в список охраняемых персон. Больше, чем за него, Аня боялась только за сына, но и в жёнах брата видеть непонятную, но хваткую девицу, желанием не горела. И опять же контролировала ситуацию возможными ей способами, и насколько хватало ей хитрости. Вот и этот разговор про необходимость обзавестись супругой был затеян не просто так, Дмитрий знал точно. Наверняка, Аня припасла новую кандидатку из круга знакомых, как она считала, подходящую по всем стандартам. И чтобы как-то спасти себя от скучного, бессмысленного разговора о его личной жизни, беспорядочной, как она считала, Дмитрий решил перевести разговор с себя на Стаса. Поднялся с кресла, прошёл к столу, заметно порадовался тарелке горячего супа, и, дождавшись, когда горничная покинет столовую, сказал:

– Кстати, о женитьбе. Ты не говорила, что Стас невестой обзавёлся.

Анна не удержалась от недовольного вздоха. Присела за стол напротив брата, но к еде не притронулась. Красиво сложила руки на столе. Афанасий запрыгнул на соседний с хозяйкой стул, сидел и щурил жёлтые глаза. На Дмитрия щурил, считая того гостем, при этом незванным. Но даже незваных гостей следовало вкусно кормить, Анна Александровна всегда так поступала.

– Не спрашивай меня про эту невесту, – сказала она тем

временем брату. — Я её не знаю, я её не видела, и боюсь представить, что там за экземпляр.

Дмитрий над сестрой посмеялся. Ел с аппетитом, а плечи тряслись от беззвучного смеха.

— Экземпляр, слова-то какие! Никакой не экземпляр. Скорее всего, симпатичная, весёлая девчонка, от которой у мальчика мозги поехали.

— В том-то и дело, Дима, что он уже не мальчик. У вас разница всего в восемь лет. И кому как не тебе знать, что жену в этом возрасте нужно выбирать с умом.

— Да?

— Да, — отрезала Анна Александровна. — Чтобы через десять лет не куковать, как сыч, в компании шлюх.

— Смилуйся, Нюта, каких шлюх?

— Слава Богу, мне неизвестно, каких именно. Но мне совсем не хочется, чтобы мой сын пошёл по твоим стопам.

Дмитрий доел, выслушивая сестру, отодвинул от себя пустую тарелку, а в другую положил мяса с овощами. Попробовал, после чего сестру без всякого трепета и сожаления перебил.

— Так ты её не видела?

— Не видела, — недовольно проговорила Анна Александровна. — Только знаю, что зовут Маша. — Она руками развела. — И как меня уверяет Стас: она его идеал!

— Может, и, правда, идеал?

— Я не верю в идеалы, тем более с мужских слов.

– То есть, ты против?

– А как ты думаешь? Мы с Борей никогда эту девушку в глаза не видели, а наш сын заявил, что намерен жениться. По-твоему, я должна радоваться?

– Любопытно на неё взглянуть.

– Раз тебе любопытно, приезжай в субботу на ужин. Кстати, Стас сказал, что она юрист.

– Серьёзно? Где училась?

– Дима, откуда мне знать?! Мне даже не особо интересно.

– Может, зря? Вдруг породниться придётся?

– Типун тебе на язык.

– Нюта, ты становишься сварливой. Дай своему отпрыску возможность набить себе шишек. Даже если разводиться придётся. Разве такие девочки, молодые и весёлые, не для того нужны, чтобы жизненного опыта набираться?

Анна Александровна мрачно смотрела на него, но было понятно, что задумалась. После чего сказала:

– Иногда мне хочется, чтобы Стас с тобой поменьше общался. Явно, что от тебя мужской дури набирается. Лучше бы с отцом больше времени проводил.

– А что, Боря в молодости другим был? Активистом-комсомольцем?

– К твоему сведению, и комсомольцем был. В своё время. Так ты почтишь нас в субботу своим присутствием?

– Постараюсь. Любопытно посмотреть на юную коллегу. Люблю, знаешь ли, свежее мясо. Эх, первокурсницы юрфа-

ка!... Это отдельная песня, Нюта.

– Тебя самого не тошнит?

– Нет. Всё вкусно, спасибо.

– Ты пропащий человек, Дима.

– А мама говорила, что я талантливый.

– Мама была не объективна.

Дмитрий усмехнулся, закончил есть, тарелку отодвинул и взял бокал с минеральной водой. Сделал пару глотков.

– Ты хочешь, чтобы я пришёл?

– Хочу. Хочу, чтобы посмотрел на неё. Я знаю Борю, он станет мило улыбаться, поддакивать Стасу, а потом заявит, что тот уже взрослый человек и сам решит, с кем ему жить. Будто он собирается с ней куличики строить, а не семью. А ты придёшь, согласишься на неё и всё мне расскажешь.

– Не скажу, что горю желанием, но если ты хочешь, я приду. И посмотрю на это сокровище. А вдруг?..

– Не вдруг, Дима. Я от тебя жду совсем другого.

Харламов широко улыбнулся сестре. Запустил пятерню в тёмные волосы и взъерошил их.

– Я всё понял.

Суббота выдалась солнечной и тёплой, после нескольких дней бесконечного мрака и дождя. Правда, Маша уже не могла радоваться ничему, нервозность попросту взяла за горло. Неделью дорабатывала на автопилоте, думать могла только о предстоящем знакомстве с родителями Стаса. Тот

от её беспокойства отмахивался, как мог, говорил, что ничего страшного не произойдёт, они наконец-то познакомятся, увидят, какую замечательную девушку он встретил, как ему повезло, оценят его вкус и везение, и тогда придут другие заботы. Какие именно заботы придут, Стаса не слишком интересовало, было у Маши такое подозрение. Он как многие мужчины, считал, что его дело сделать женщине предложение, так сказать, осчастливить, а следующая его забота – запомнить дату бракосочетания. Это у Маши в голове романтические мечты, целый клубок, соответственно её возрасту, похожие на тончайшее кружево. А мысли мужчины всегда заняты чем-то серьёзным и глобальным. Ему не до мелочей.

Вот и в субботу Стас был спокоен, и по дороге к дому родителей говорил с кем-то по телефону, решал срочные кадровые вопросы, а Маша даже рада этому была, если честно. Ей надоело, что Стас её успокаивает, с ноткой снисходительности, треплет по щеке и говорит ласковые глупости. Если честно, ничего существенного она от Стаса в последнее время не услышала и не увидела. Он принял решение жениться, наверное, это было одним из самых важных и серьёзных шагов в его жизни, и всё остальное казалось мелочами. И в данный момент он обсуждал мелкие вопросы по бизнесу, а Маша, сидя рядом с ним, смотрела в окно, пытаясь настроиться на сегодняшний вечер. Наташка вчера вечером убеждала, что она справится. И самое ужасное, что может произойти, это то, что Тихоновым она придётся не ко двору.

– Спасибо, успокоила, – сказала тогда Маша подруге. – А я-то совсем из-за другого переживала. Что улиток подадут, а я их есть не умею.

Напоминание о любимом для девушек фильме, немного разрядило обстановку, посмеялись. После чего Наташа сказала:

– Главное, чтобы Стасик в тебе души не чаял. А ночная кукушка, сама знаешь, на всё способна.

Маша головой покачала и заявила:

– Не хочу об этом думать. Потому что всё будет хорошо.

– Обязательно, – поддакнула Наташа. Вот и Стас сейчас её за коленку тронул и сказал, отвлекая Машу от её мыслей:

– Не волнуйся ты так.

Хорошо ему говорить, это ведь она в его дом едет, а не наоборот. Хотя, даже если бы было наоборот, Стас бы вряд ли сильно нервничал. Он ведь Стас Тихонов.

Дом показался Маше огромным. Они только въехали в ворота, свернули на подъездную дорожку, и светлый особняк (Маша была уверена, что это и есть особняк, как ещё можно назвать дом с настоящими колоннами?) предстал во всей красе. Большие окна, кованые балкончики, парадное крыльцо и аккуратная веранда с плетёной мебелью. Вокруг дома идеальный газон, изобилие клумб с цветами. Даже прудик, живописно поросший ряской, а неподалёку скамейки для отдыха и размышлений о насущном. Но точно не о проблемах. Глядя на окружавшую её удобную красоту, Маша не могла

представить, что за проблемы могут быть у людей, живущих в таком месте. По её мнению, это вершина того, что человек может добиться в жизни. У тебя могут быть автомобили, яхты, счета в банках, но должно быть место, куда тебе хочется вернуться, и где ты можешь отдохнуть душой. Вот такое место.

– Как тебе дом? – спросил Стас, обойдя автомобиль и приблизившись к Маше. Обнял её за плечи.

Она попыталась справиться с собой, а все свои мысли и видимые эмоции запрятать подальше. Бурно восторгаться она точно не станет, даже при Стасе. Она сюда не ради дома и его стоимости приехала. Поэтому лишь кивнула и мило улыбнулась.

– Очень красиво. И дом, и сад.

– Садам мама занимается. Любит она... свои цветочки. Ладно, пойдём в дом.

– Стас, они ждут только нас?

– Насколько я знаю, да.

Платье идеально, причёска тоже. Туфли Маша выпросила у Наташки, они были совсем новые и стоили безумных денег. Наташка для себя любимой с повышения разорилась, заявила, что необходимо соответствовать новой должности. Туфли были немного велики, и поэтому Маша судорожно хваталась за руку Стаса, боясь подвернуть ногу. Он думал, что это всё от того же волнения, но в этом случае, Машу заблуждение любимого устраивало.

На пороге дома их никто не встречал. Хотя, подходя к высоким дубовым дверям, Маша почти поверила в то, что их поприветствует дворецкий или камердинер. В ливрее. Но ничего подобного, Стас просто толкнул дверь, и та распахнулась. Они вошли в дом.

– И всё-таки мы не одни, – сказал он. Маша осматривалась, и не сразу заметила женщину, что появилась в коридоре. А та уже направлялась к ним, и улыбка её становилась всё радушнее. Конечно, можно было бы надеяться, что это и есть Анна Александровна, мать Стаса. Но Маша знала, что это не она. Во-первых, она видела её фото в газете, и не раз, а во-вторых, эта женщина была немного старше и одета очень скромно. Лет пятидесяти, с аккуратным комельком на затылке, в простой хлопковой юбке практически до пят и такой же непримечательной трикотажной кофточке, с длинным рукавом, несмотря на достаточно жаркий день. Но глаза ясные и улыбка приятная и приветливая. Она подошла, с любопытством взглянула на Машу, но тут же протянула руки к Стасу, в желании того обнять. Тот наклонился с высоты своего роста, поцеловал женщину в щёку. Посмеялся.

– Люся, и тебя призвали. Мама вызвала?

– Не говори глупостей.

Женщина его расцеловала, потрепала по щеке с явной любовью и теплом, и после этого повернулась к Маше. Но не разглядывала, не оценивала, просто смотрела с улыб-

кой. Затем руку протянула, коснулась Машиного плеча.

– Значит, невесту привёл. Наконец-то. Меня зовут Людмила. Но все зовут меня Люсей. И ты можешь звать, я не обижусь. Я Стасу тётя... дальняя.

Стас хохотнул, обнял тётку за плечи.

– Очень дальняя, – покивал он. – Настолько, что никто уже и не помнит, кем вы с отцом друг другу приходитесь.

– Снова глупости говоришь, Стас. Все отлично помнят. – Она кинула на Машу взгляд. – Просто это уже неважно. А как тебя зовут?

Вдруг стало понятно, что она улыбается и молчит, слушает, и, наверное, выглядит при этом довольно глупо.

Маша поторопилась исправиться.

– Маша. Меня зовут Маша. Мне очень приятно.

– Замечательное имя. И девушка замечательная. Пойдёмте. Вас в гостиной ждут. Дима уже весь изворчался, обеда требует.

– И этот здесь?

– Стас, это важный день для семьи. Ты невесту в дом привёл.

Стас спорить не стал, посмеялся, а Машу снова взял за руку. Они направились следом за Люсей, а Маша даже оглядываться по сторонам перестала. У неё пересохло во рту, и сердце сделало несколько головокружительных скачков.

– Родители, почему вы не встречаете нас с хлебом и солью? Или как это делается по правилам?

Маша дёрнула Стаса за руку, когда тот в полный голос спросил, явно бахвалясь, но в данный момент это могло сыграть с ними злую шутку.

Они как раз вошли в гостиную, остановились, и Маша, после лёгкого замешательства, поторопилась улыбнуться, увидев перед собой чету Тихоновых.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

Анна Александровна, не стесняясь, к ней приглядывалась. Кажется, даже на сына не посмотрела, всё внимание было обращено к Маше. И на платье мать Стаса совсем не смотрела. Платье – это последнее, что её интересовало. Она внимательно вглядывалась в Машино лицо, и той показалось, что эта минута никогда не кончится, что Анна Александровна никогда ей не улыбнётся, хотя бы вынуждено, чтобы сгладить напряжённость. А напряжение в ней было, несмотря на внешнее спокойствие. Единственный сын привёл в дом будущую жену, и оставаться равнодушным никто не собирался.

– Мама, перестань пытаться Машу взглядом, она сбежит.

– Я же не сбежал, – возразил мужской голос, и Маша бросила в ту сторону короткий взгляд. Борис Николаевич Тихонов, видный предприниматель в регионе, сидел на подлокотнике дивана, пил коньяк из пузатого бокала и наблюдал за происходящим со сдержанным весельем. Высокий, подтянутый, несмотря на возраст, только в темных волосах замет-

ная проседь. В его глазах не было подозрительности и пристального внимания, он, кажется, относился к тому факту, что сын собрался жениться, куда проще, чем жена. И даже бокалом тому отсалютовал.

– Боря, ты нашёл время, – шикнула на него Люся. Она единственная, кто суетился вокруг накрытого стола, но продолжала наблюдать и прислушиваться. А с Машей, наконец, официально познакомились. За руку, с улыбками, она старалась быть милой и простой. Стас расписывал родителям, какая она замечательная, его никто не перебивал, а ей было неловко. Особого радушия не чувствовалось. По крайней мере, Маша и Анна Александровна ощущали настороженность, хотя все остальные старались вести себя легко и непринуждённо.

Маше предложили присесть, она села на диван, а Стас устроился рядом. За руку её взял. На какое-то короткое время повисло молчание, Анна Александровна к ним присматривалась, не могла, по всей видимости, с собой справиться, а все остальные наблюдали за её реакцией. Но Борис Николаевич быстро сдался и даже рассмеялся.

– Если честно, никогда не представлял себе этот момент. Когда сын в дом невесту приведёт. И теперь самому на себя странно. Нюта, ты хорошо себя чувствуешь?

Анна Александровна вопрос мужа проигнорировала и вместо ответа поинтересовалась у молодых:

– Вы всерьёз решили со свадьбой?

Маша взглянула на Стаса, а тот кивнул.

– Да, мам, всерьёз. Но ты ведь сама хотела, чтобы я женился.

– Я хотела, чтобы ты нашёл свою девушку.

– Я нашёл.

На Машу устремился проницательный взгляд голубых глаз.

– Да, конечно. И я буду рада, если это на самом деле так.

– Кто об этом может знать, Аня? Вот когда мы с тобой женились, что родители знали? Да и мы с тобой тоже. Люся, я ведь прав?

– Бог рассудит, Боря.

– Вот и я о том же.

– Маша, расскажите о своей семье.

К этому вопросу Маша готовилась несколько дней. Придумала целую оправдательную речь, про родителей, про их работу и образование. Она знала, что родители Стаса захотят от неё услышать детали, и она даже успела рассказать, со спокойной улыбкой, о том, что её детство прошло в районном городке, но закончить не удалось. И в тот момент, когда её рассказ прервали, она поняла, что совсем забыла о ещё одном госте. В гостиной его не оказалось, и волнение из-за первого общения с хозяевами дома, мысли о нём из головы Маши вытеснило. А когда Харламов появился на пороге, деловой и переполненный энергией, Маша замолкла на полуслове, глядя на него. Дмитрий Александрович явно чувство-

вал себя здесь как дома, без пиджака и галстука, с закатанными по локоть рукавами белоснежной рубашки, он вошёл и нетерпеливо хлопнул в ладоши. И громко поинтересовался:

– Он уже женился? Простыни проверили, можно обедать?

– Дима! – в голосе Люси слышалось серьёзное возмущение. Да и Анна Александровна была недовольна столь стремительным появлением младшего брата. А тот остановился, руки в бока упёр, проигнорировал кулак, что ему племянник показал, на Машу уставился. Один в один, как сестра недавно. Но если из-за Анны Александровны Маша нервничала, и прекрасно осознавала причину этого, то на Харламова она смотрела в непонятном ожидании. Не чуда, нет, просто от него неизвестно чего можно было ожидать, и он усмехался надменно и снисходительно, и на Машу смотрел не просто оценивающе, опять же напоминая этим сестру, он смотрел с прищуром и мужским нахальством.

Затем хмыкнул.

– Маша, значит.

Стас фыркнул и попросил:

– Дим, не начинай.

– Не помню, чтобы давал тебе слово.

– Мы не в суде.

– Ты, правда, так считаешь? – Он сделал шаг, Маше кивнул, призывая к ответу. – Где училась?

На знакомство с будущей родственницей это стало похо-

дить мало. И тон, и взгляд, и то, что другие молчали, ждали её ответа на вопрос Харламова.

– Юридический. Уголовное право.

– Уголовное? – Харламов присвистнул, но без должного уважения, скорее уж, посмеиваясь. – У Потапова?

Она кивнула. Наблюдала за ним. За ним все наблюдали, молча. Маша вдруг поймала себя на этой мысли, и осторожно огляделась. Анна Александровна молчала, будто ждала чего-то, Борис Николаевич едва заметно посмеивался над происходящим, Стас просто молчал. Только Люся стояла, сложив руки на груди, и неодобрительно поглядывала на Дмитрия Александровича. Тот принял задумчивый вид, выпятил нижнюю губу, и не торопился продолжать знакомство. И тогда Маша решила взять инициативу на себя, даже улыбнуться попробовала непринуждённо, и сообщила:

– Вы вели у нас несколько лекций, Дмитрий Александрович. По апелляциям и отказе в возбуждении. – Харламов ухмыльнулся после её слов, но Маша не смутилась. – И я была на одном из ваших процессов.

Это его заинтересовало. Он на Машу взглянул открыто.

– Так ты отличница!

У него были пронзительные голубые глаза. Совсем, как у сестры. Стасу вот достались карие, от отца. Он, вообще, был очень похож на Бориса Николаевича. А от взгляда голубых глаз членов этой семьи, Машу мороз пробирал.

– Я закончила с красным дипломом.

Это было её личным поводом для гордости. Но Харламов разочарованно поморщился.

– Плохо.

Маша растерялась.

– Почему?

– Из отличников редко выходят хорошие адвокаты. С красным дипломом тебе надо было идти в прокуратуру.

– Я не хочу в прокуратуру.

Дмитрий улыбнулся ей.

– А чего ты хочешь, Маша?

Вопрос показался опасным. Причем не только ей. Стас рядом заёрзал, Борис Николаевич смущённо хмыкнул, а Люся открыто возмутилась.

– Что ты пристал к девочке? Взрослый мужик, а ты к девочке пристаёшь.

Харламов даже не подумал смутиться. Удивлённо вздёрнул брови.

– Я не пристаю. А если и пристаю, ты виновата.

– Дима, – не выдержал Борис. Посмотрел с намёком. Дмитрий Александрович руками развёл.

– Я есть хочу. Она пирогов напекла, а меня не кормит.

– Ты же не один в доме, – мягко упрекнула его Люся. А когда мимо проходила, по плечу погладила.

– И даже не главный гость, – кинул упрёк дяде Стас.

Маша, пытавшаяся пережить недавнюю ситуацию, совсем не ожидала, что Дмитрий посмотрит ей прямо в глаза. А он

посмотрел и сказал:

– Видишь? Никто не любит юристов. Потому что никто не любит правду.

– Не знал, что ты правдой апеллируешь, – подивился Борис Николаевич.

– Если я что-то говорю, это становится правдой, – с нескрываемым пафосом оповестил всех Дмитрий Александрович, но все только посмеялись. Все, кроме Маши.

– Пойдёмте за стол, – приняла решение Анна Александровна. Даже сделала попытку Маше улыбнуться.

– Наконец-то, – проворчал Дмитрий. И поинтересовался: – Люся, ты ведь испекла мои любимые, с рыбой?

– Специально для тебя.

Он стиснул родственницу в объятиях, когда они поравнялись.

– Никто не печёт таких пирогов. Ты можешь собой гордиться, тебе есть ради чего жить. Далеко не всем так везёт.

Стас с дивана поднялся и потянул Машу за руку. А Борис Николаевич вдруг совсем рядом с ней проговорил:

– Маша, вы не относитесь к словам Димы всерьёз. У него туго с чувством юмора, точнее, он у него чёрный. И злой.

Стас усмехнулся, поддакнул отцу.

– Да. К тому же, ему противопоказано быть некормленным. Он невыносим становится. Но, вообще, он классный.

Может быть и классный, подумала Маша, направляясь к столу. Когда ты ему близкий и родной. А вот чужие лю-

ди Дмитрия Александровича волнуют мало. Такая уж у него профессия, он отлично научился абстрагироваться от чужих проблем и несчастий. Он профессионал, с этим никто не поспорит.

За столом Машу снова принялись расспрашивать о родителях, детстве и юности. Вроде бы откровенных и прямых вопросов не задавали, но и тему эту в угол не задвигали. Маша, конечно, понимала, что это важно, если уж дело идёт к свадьбе, и отвечать на вопросы старалась спокойно, доходчиво, не сбиваясь, чтобы, не дай Бог, не вызвать подозрений. Но это было трудно. Она говорила об отце, у которого в последний год некоторые проблемы с автомастерской, о маме, которая замечательно готовит. И какая разница, где она работает, правда? Разница была, и не понимать этого могла только дурочка, а Маша дурочкой не была, но старалась разговор вести непринуждённо. И если Борис Николаевич и Люся на её доброжелательность откликались, то Анна Александровна с братом предпочитали получать и обдумывать информацию.

– Вы не представляете, какая она ответственная, – говорил Стас, поражённо качая головой. – Только отвернись, она уже работает. Ей в этой конторе и делать-то нечего, а она вся в бумажках по уши.

– Бесплатные дела они такие, – покивал Дмитрий Александрович со знанием дела. С аппетитом ел, а племяннику с издёвкой поддакивал. – В них хоть с головой заройся, а они

всё равно бесплатные.

– Не у всех есть деньги на такого адвоката, как вы, Дмитрий Александрович, – не утерпела Маша.

Харламов задумался, жевал. В итоге, согласился.

– Да, ты права. Но не думаю, что ты бы долго сомневалась, что выбрать – мою контору или остаться в своей, на благотворительных началах. Хотя, альтруизм бывает сродни глупости.

– У тебя же не было шанса сравнить, – заметил Стас. – Сам всегда говоришь, что дорого учился и дорого работаешь.

Дмитрий покивал, а Маша осмелилась спросить:

– Дмитрий Александрович, а почему вы не остались в Москве?

– А ты сама как думаешь?

– Он решил поступить по давней традиции, – усмехнулся Борис Николаевич. – Где родился, там и пригодился.

– Мне интересно, что наша новая родственница думает. – Дмитрий на стуле откинулся, взял бокал с вином. На Машу через стол поглядывал.

Та аккуратно пожала плечами.

– У меня ещё более банальное объяснение.

– И какое?

– Москва – город очень большой. И адвокатов там много. Даже хороших.

За столом помолчали, Маша начала подозревать, что ей не стоило этого говорить, но ведь у неё и в голове не бы-

ло обидеть кого-то. Тем более, Дмитрия Харламова. Как его, вообще, обидеть можно? Он ведь уверен в себе, талантлив, забываем и великолепен. По его собственным убеждениям. А после её невинного замечания, смотрит на неё не просто с насмешкой, но и с явным предостережением.

– Дима, думаю, ты должен дать девочке шанс, – сказала Люся, прерывая молчание.

Дмитрий обратил к ней свой взгляд и поинтересовался:

– Шанс на что?

– Войти в семью. Этому дому необходим свежий воздух.

– Люся, если тебе воздуха не хватает, открой окно.

Стас рядом с Машей вздохнул, на мать взглянул с призывом.

– Давайте вспомним о том, зачем мы все сегодня собрались. И перестанем обсуждать Димана. Он уже женился, теперь я хочу.

– Дитяtko выросло. – Дмитрий протянул руку с бокалом через стол к Борису. Тот откликнулся, и послышался звон бокалов. – Отметим это событие.

– Стас прав, у нас в семье... серьёзное событие намечается. – Анна Александровна взглянула на своих мужчин с намёком, после чего послала Маше короткую улыбку, вроде бы извиняясь за чужую бестактность. – И, Дима, на самом деле, перестань смущать нашу гостью.

– Она не может смущаться, Нюта, она юрист.

– И не называй меня Нютой.

– Ох, простите. Я сегодня никому не угодил. Маша, я вам тоже не угодил?

– Дмитрий Александрович, всё, что я могу, это наблюдать и учиться. – Она улыбнулась ему.

Дмитрий хмыкнул, изучал её, пока Люся не придвинула к нему тарелку с пирогами. Сделала это намеренно, вынуждая Дмитрия отвлечься.

– Как ты? – Стас отвёл её в сторону, когда ужин закончился и все поднялись из-за стола. За плечи обнял, поцеловал в висок, они отошли к окну. Маша осторожно выдохнула, а когда Стас наклонился к её лицу, заглядывая в лицо и тыкаясь носом в её нос, она ему улыбнулась.

– Всё хорошо. Ты же говорил, что так будет.

– Я не знал, что Диман на обед явится. Он всегда внимание на себя отвлекает, талант у него с ног на голову всё переворачивать.

– Я уже поняла.

– В каждой семье свои нюансы.

Маша повернулась к нему, очень кстати рядом никого не оказалось, и она Стаса обняла. Проговорила негромко, можно сказать, что ему в губы:

– Не переживай, я всё понимаю.

Он её погладил по спине.

– Ты удивительная умница, ты знаешь?

– Знаю, ты же мне это постоянно говоришь.

– Чтобы ты не забывала.

Стас наклонился к её губам, но поцеловать не успел. В комнату вошла Анна Александровна, увидела их и остановилась, наблюдая. Не смутилась, неловкость почувствовала Маша и поспешила отодвинуться от Стаса на безопасное расстояние. А Анна Александровна ждала, когда сын обратит на неё своё полное внимание. Тот проникся, к матери повернулся и старательно ей улыбнулся.

– Да, мама, я тебя слушаю.

– Стас, пройди к отцу в кабинет, у него есть к тебе разговор. Это ненадолго, Маша не успеет заскучать. Я надеюсь.

Маша ещё от Стаса отступила.

– Я выйду на террасу, хочу посмотреть сад. Если можно.

– Конечно, можно. Прогуляйся, малыш. – Стас ободряюще улыбнулся ей и даже подтолкнул к открытым балконным дверям.

– Стас, пойдём, – поторопила его мать.

Добродушным приёмом отдавало всё меньше и меньше. Маша вышла из дома, радуясь тому, что одна, и можно перестать улыбаться и притворяться. Пыталась справиться с разочарованием. Особого повода для него ещё не было, с ней все были вежливы, расспрашивали, интересовались её жизнью, как обычно и бывает при знакомстве с родителями, но Анне Александровне она явно пришлась не по душе. И Маше совсем не хотелось думать о том, что именно сейчас Стасу родители говорят за закрытой дверью кабинета.

Она прошлась по веранде, смотрела в сад, на яркие цве-

ты, потом заметила толстого кота, дремавшего на широких перилах, в тени зарослей дикого винограда. Маша подошла, остановилась рядом, но не решилась погладить, не хотелось будить. Просто смотрела на него, затем заставила себя выдохнуть, снова обвела взглядом видимую часть сада. Всё было идеально, как на картинке. Очень похоже на Анну Александровну.

– Как ты думаешь, о чём они говорят?

Маша оглянулась через плечо, разозлилась на себя, и от Харламова тут же отвернулась. Равнодушно пожала плечами.

– Наверное, о семейных делах.

– Наверное, – со смешком согласился Дмитрий. Подошёл, и в отличие от Маши, тут же кота погладил. Тот заворчал, не замурлыкал, поднял тяжёлую голову и тряхнул ею.

Недовольно посмотрел на людей, щуря жёлтые глаза. А Харламов, ничуть не смущаясь недовольством животного, почесал того под подбородком.

– Это Афанасий, – представил он. – Меня не любит.

– Ему вы тоже задаёте неудобные вопросы?

– Может и задаю. Но он всё равно не отвечает, мог бы нос и не воротить.

Маша наблюдала за его рукой, длинными пальцами, которые почёсывали кота. Почему-то никак не могла отвести взгляд.

Потом осторожно глаза скосила, чтобы взглянуть на лицо

Дмитрия Александровича. Тот смотрел на кота, вроде как улыбался ему, и поэтому Маша совсем не ожидала вопроса.

– Так что, ты любишь моего племянника?

Маша отвернулась и отодвинулась немного.

Спокойно и уверенно кивнула.

– Да. Как его можно не любить?

– Действительно. Стас у нас – мечта девушек. – Дмитрий кота подхватил, показывая Маше. Афанасий мявкнул, закрутил хвостом, но Харламов внимания не обратил. – Вот смотри, какой красавец. Домашний, сытый, отмытый. Красавец ведь? А, по сути, такая скотина. У самого-то ничего и нет. Кроме миски и периодически появляющихся блох.

Маша решительно забрала у него кота, из-за платья на руки брать не рискнула, но перетащила ближе к себе, защищая от мужских рук.

– Мы все начинаем с миски, Дмитрий Александрович.

– Да?

– Да. И вряд ли это справедливо в отношении вашего племянника. На свою миску корма он давно заработал. Стас очень талантливый.

– А ты?

Маша гладила кота, на Харламова не смотрела.

– Я стараюсь ему соответствовать.

Дмитрий усмехнулся.

– Я заметил. Только не старайся слишком сильно, это не сексуально.

Он пошёл в дом, Маша заставила себя не оборачиваться ему вслед, гладила кота, а Дмитрий ей сказал на прощание:

– Красивое платье.

Анна Александровна встретила брата в гостиной. Наблюдала за тем, как он говорил с особой, что сын упорно называл невестой. И против наличия невестки Анна Александровна ничего не имела, но появление незнакомой девушки, которая вот-вот готова стать женой и войти в их семью, её не устраивало. А Стас упрямылся, и упрямылся неприятно, над доводами матери он откровенно смеялся и готов был от её мнения отмахнуться. Впервые в жизни, как банальный мужлан, поведясь на красивую мордашку. Или грудь, или задницу. Абсолютно безразлично, какие именно пристрастия и инстинкты Стасом сейчас двигали, разум в его действиях роли никакой не играл. Просто он ещё не в состоянии был этого понять. И это не удивляло, Анна Александровна была готова к такому поведению сына.

– Ну что? – спросила она брата, когда тот в гостиную вошёл.

Дмитрий заулыбался, потом плечами пожал.

– Занятная особа.

– Занятная? – Анна Александровна была напряжена, но к брату придвинулась и пригладила тому взъерошенные волосы, как всегда делала, когда тот был маленьким. Брат вырос, а от дурной привычки так и не избавился. По-прежнему то и дело запускал в волосы пятерню. – Вот если она

показалась тебе такой занятой, то займись этой ситуацией. Ты мне обещал.

– Обещал, – покаялся Дмитрий. На секунду задумался. – Я всё подготовлю. Но заставить её подписать тебе придётся самой, Нюта. Я в этом не участвую.

– Дима!

– И не проси, – протянул он. Сестру в щёку поцеловал, но затем добавил, чтобы поставить точку: – Нюта, пусть он женится, если хочет. Это лучшее решение, поверь.

Что особенно запало Маше в память о прошедшей субботе, так это, насколько радушно Анна Александровна с ней прощалась. Непонятно, что вдруг приключилось, но мать Стаса неожиданно подобрела, даже улыбаться Маше стала более естественно. Мужчины оставили их в какой-то момент, Маша только украдкой наблюдала за Стасом, который о чём-то с интересом беседовал с отцом и дядей, все трое устроились на веранде, и без женщин, по всей видимости, не скучали. Стас смеялся, Борис Николаевич улыбался чему-то, а Харламов... Маша видела только его ноги, которые он вытянул на сидение соседнего стула. Маша старалась не смотреть в сторону веранды часто, необходимо было уделить внимание будущей свекрови, да и Люсе, быть доброжелательной и заинтересованной в их беседе, и она старалась. Старалась, старалась, но то и дело вспоминала слова Дмитрия о том, что слишком стараться не надо. И дело было совсем не в сексуальности. Анна Александровна отнеслась к ней предвзято, это понятно, и Машины старания точно воспримутся ею не как должно. Хотя, с тоской подумала Маша, вердикт Анна Александровна наверняка уже вынесла, и изменить её мнение будет трудно.

– Маша, вы слушаете?

Она моргнула, поняла, что прослушала что-то важное, на-

блюдая то за Стасом, то за ногами Харламова в идеально начищенных ботинках. Поторопилась повернуться к женщинам, что сидели на диване напротив неё. Ещё не успела виновато улыбнуться, как Люся поспешила прийти ей на помощь. Поставила чашку с чаем на стол и спокойно улыбнулась.

– Аня, она с него глаз не сводит. Неужели ты не видишь?

Анна Александровна тоже посмотрела на сына. Маша заметила, что линия её рта немного смягчилась.

– Вижу.

– Анна Александровна, вы задали какой-то вопрос? Извините, я, на самом деле, задумалась.

– Я спросила, единственный ли вы ребёнок.

– Нет, у меня есть младшая сестра.

– Она тоже в нашем городе живёт?

– Нет, она с родителями. Она... учится на повара.

– На повара? Как интересно.

Интересно ей совсем не было, это точно. Но Маше ничего не оставалось, как притворяться, что ничего не замечает и всем довольна.

– А где учат на поваров? В какой-то кулинарной школе?

Маша не знала, что ответить. На Анну Александровну смотрела и понимала, что, несмотря на невинный взгляд, она задала этот вопрос намеренно. И Маша уже почти готова была сказать ей правду: в училище, на специализации повар-кондитер, но выручила снова Люся. Легко отмахнулась.

– Какая разница где учат? Главное, чтобы призвание

к этому было, правда? Кормить людей – это очень важное дело. Уж точно не меньшее, чем защищать людей или судить. Или учить.

– Наверное, ты права, – проговорила Анна Александровна, отступая. Аккуратно поставила фарфоровую чашку с блюдцем на стол, помолчала, раздумывая, после чего спросила: – У вас уже есть планы? Идеи, насчёт свадьбы.

– Свадьбы... – Маша смущённо улыбнулась. – Наверное, нет. Стас сделал мне предложение неделю назад, кольцо подарил. Но какие планы за это время?

– Если девушка планировала выйти замуж... когда-нибудь, у неё должны быть планы. По крайней мере, мечты.

– Как странно, – проговорила Люся, – у меня вот не было. Анна Александровна кинула на неё странный, задумчивый взгляд. Маша его перехватила, и всерьёз удивилась, но тут же решила, что не её это дело и сделала глоток чуть тёплого чая.

– Ты не пример, – тем временем сказала Анна Александровна. – Ты у нас минималистка.

Люся рассмеялась.

– Теперь это так называется! – Она на Машу посмотрела и пояснила: – Мы с мужем вполне осознанно много лет назад уехали из города в деревню. Он у меня человек набожный, и очень рукастый. Вот мы и поехали, по зову сердца, так сказать. Петя у меня помогает церкви восстанавливать. Он и строитель, и плотник, и плиточник. К излишествам мы

не привычные, многого нам не надо. Бог даёт всё, что необходимо. И кров, и пищу, и детей, и работу по сердцу.

– Это замечательно, – проговорила Маша, немного удивлённая, но вполне искренно. Такие люди, способные отказаться от удобств и материальных ценностей, в наших реалиях встречаются очень редко. А Люся выглядела довольной своей жизнью, спокойной, даже умиротворённой. Этому тоже можно было позавидовать.

– А к Боре с Аней я в гости приезжаю, довольно часто. Всё-таки они мои единственные родственники. Никого больше не осталось, родители и мои, и его ушли. Нужно поддерживать друг друга. Семья – это самое главное. Маша, вы согласны?

– Да, конечно.

– А когда семья большая, это очень хорошо. И поэтому я рада, что Стас надумал жениться. Наконец-то.

– Люся, ему всего двадцать семь.

– Аня, когда Боре было двадцать семь, он уже отцом стал. Так что, самое время.

Анна Александровна не сдержала вздоха, но себя переборолa и улыбнулась.

– Наверное, ты права. – Она даже кинула на Машу выразительный взгляд. – Но признать, что твой ребёнок стал совсем взрослым, очень трудно. Особенно, женщине. Боря спокойный, как танк, только посмеивается, а я... Господи, я совершенно не знаю, как сейчас устраивают свадьбы. Ме-

ня даже не приглашали на свадьбы очень давно. Наверное, нужно связаться с прессой, да?

Маша почувствовала, что напряжение её потихоньку отпускает. А на вопрос Анны Александровны она едва заметно пожала плечами.

– Я не знаю. Об этом я точно не думала. Может, стоит спросить у Стаса?

– Кстати, ты читала статью в «Star»? – живо поинтересовалась Анна Александровна. – Замечательно написана, и очень вовремя.

Улыбка на губах Маши несколько увяла. Припомнился список «побед» её будущего мужа, её он точно радовать не мог, а вот Анна Александровна казалась воодушевлённой. Надо же.

И с этим же воодушевлением она с Машей простилась, когда они со Стасом собрались уезжать. Пожала ей руку и завила, что была рада с ней познакомиться. А ещё заметила, что им непременно нужно будет встретиться и обсудить всё, как следует. Правда, не утерпела и уточнила:

– Вы точно решили со свадьбой?

Стас рассмеялся.

– Мама, в конце концов!.. Сколько раз нужно повторить, чтобы ты поверила?

Анна Александровна приложила руку к груди, дыхание перевела.

– Не знаю. Больше десяти, это точно.

Стас наклонился к ней, поцеловал в щёку. Потом в другую, и даже обнял мать. Попросил негромко:

– Перестань переживать, всё хорошо. – Обернулся на Машу, скромно дожидавшуюся окончания трепетной сцены. – Посмотри, какая она замечательная.

– Да, замечательная, – проговорила его мать, окидывая Машу ещё одним внимательным взглядом. Затем потрепала сына по щеке, со всей материнской любовью. – Хорошо, поезжайте осторожно. Стас, ты ведь мне позвонишь, как доедете?

– Мама!

– В первую брачную ночь из-под одеяла он тебе тоже позвонит, – хмыкнул Харламов, выходя из гостиной. На ходу пиджак надевал, в какой-то момент они с Машей столкнулись взглядами, та поторопилась отвернуться. А вот Анна Александровна брата по плечу стукнула.

– Дима, что за пошлости ты говоришь?

– А ты что насела на парня? В чём ещё он тебе не докладывается?

Стас улыбался, стоя рядом, а Анна Александровна сверлила младшего брата негодующим взглядом. Правда, тот несколько не смутился и не внял, вместо этого поцеловал её в щёку на прощание и пообещал:

– Я тебе позвоню. Хочешь?

– Не хочу. То есть, хочу, но когда у тебя настроение переменится.

– Договорились, позвоню через год.

– Дима!

Он снова сестру поцеловал, и настойчиво проговорил:

– Пока. – Мимо племянника прошёл, оставив его прощаться с матерью, а вот Машу к двери подтолкнул. – Пойдём, пусть он мамочку поцелует.

Маша на автомате последовала за Дмитрием на улицу, и за дверью замерла в некоторой растерянности. А Харламов остановился, разглядывал её, пользуясь возможностью.

– Ты чувствуешь, как тебе повезло со свекровью? – спросил он.

Маша разглядывала куст пионов на клумбе.

– Анна Александровна мне очень понравилась. Она замечательная мать.

– Это без сомнения. Но опыт мне подсказывает, что из замечательных матерей хорошие свекрови выходят редко. Но какое мне до этого дело? Хочешь, отвезу тебя в город?

Маша взглянула на него в недоумении.

– Я Стаса жду.

– Представь его реакцию, когда он выйдет, а тебя и след простыл.

– Я думала, я вам не понравилась, Дмитрий Александрович.

– С ума сошла? – Харламов обрисовал рукой в воздухе контуры её фигуры. – Меня, признаться, радует вкус племянника.

– Это был комплимент?

– На данный момент, это констатация факта. На комплименты мне нужно настроиться.

– До свидания, Дмитрий Александрович. Мне было любопытно с вами познакомиться.

– Любопытно? Не приятно?

– На «приятно» мне нужно настроиться.

Он усмехнулся.

– Что ж, думаю, у нас будет шанс, раз уж вскоре станем родственниками. Не забудьте на свадьбу пригласить, – громко проговорил Дмитрий, когда дверь открылась, и Стас вышел. Харламов направился к своей машине, а Маша ему вслед смотрела.

Стас рядом хохотнул, у него было на удивление хорошее настроение.

– Что тебе Диман втирал?

– Мы говорили о работе, – зачем-то соврала Маша.

– Да? Он предложил тебе работу?

Это предположение заставило Машу растеряться. За несколько часов знакомства с Дмитрием Харламовым ей подобная перспектива даже в голову не пришла. Хотя, ещё недавно, ещё вчера, она была склонна считать такую возможность редкой удачей. Но, пообщавшись с ним, посмотрев ему в глаза, она больше этого не хотела. Не представляла, как бы они смогли сработаться. Если Дмитрий Александрович станет бесконечно её подначивать и поддразнивать. И уж точно

воспринимать всерьёз не будет. Чтобы добиться его одобрения, даже малейшего, ей придётся наизнанку вывернуться, а она к этому не готова.

Маша подхватила Стаса под руку.

– Нет. Мы говорили... о юриспруденции в общем. Кажется, наши с ним подходы совершенно различны. Не повезло мне.

Когда они подошли к машине Стаса, «Кайен» Харламова уже подъезжал к воротам.

– Не переживай, – решил успокоить её Стас, обнял и быстро поцеловал. – Ты найдёшь себе работу, которая тебя устроит. А Диман ещё пожалеет.

– Не сомневаюсь, – пробормотала Маша.

– А ты как?

– В смысле? – Автомобиль выехал за ворота, Маша убавила звук музыки, Стас по привычке включил магнитола, как только двигатель завёл.

Стас на секунду отпустил руль, развёл руками.

– Всё закончилось! Ты так боялась субботы, и вот, она прошла. И я тебя спрашиваю: как ты? Счастлива, расстроена?

– Чем мне быть расстроенной?

– Мама поначалу даже не пыталась притворяться радушной хозяйкой.

– Ничего страшного. Я и не ждала, что она встретит меня с распростёртыми объятиями. К тому же, потом она успоко-

илась.

– Да, я заметил. Но я был уверен, что ты ей понравишься.

– Надеюсь, что это так. И папа твой мне понравился.

И Люся. – Маша на сидении повернулась, чтобы на Стаса посмотреть. – Слушай, она мне рассказала о своей жизни, это удивительно.

– Что именно?

– Ну, уехать из города, всё бросить... я имею в виду, цивилизацию. Посвятить жизнь служению людям. Ты бы так смог?

– Вряд ли. Но Люся особенная. Если честно, я не знаю человека лучше неё. Отец её очень любит.

– Они дальние родственники?

– Насколько я знаю, троюродные. Брат с сестрой. А вот муж у неё странноватый. Реально двинутый на вере.

– Правда?

Стас пожал плечами.

– Мне так кажется. Это он увёз её из города, вскоре после того, как они поженились. Сначала вообще куда-то к чёрту на куличики.

– Стас.

– То есть, только Бог знает в какую глушь. Потом ещё куда-то, и ещё. А лет десять назад они обосновались под Стёпанцево, там что-то вроде монастыря, а они там приютом для детей занимаются. И церковью, конечно.

– Так вот про каких детей она говорила.

– Да, своих у них нет.

– Печально.

– Она сама этого захотела, Маш. Замуж вышла за этого Фёдора, уехала... Мама говорила, что в молодости Люся очень красивая была, а как замуж вышла, так длинную юбку надела, платок, стала серая и незаметная.

– Я бы не сказала, что она незаметная. Она до сих пор красивая, просто...

– Верующая, – подсказал Стас.

– Да, наверное. Но если она мужа любит, если разделяет... его веру, то всё хорошо.

– Да, наверное. Сейчас приезжает довольно часто, отец рад. Он даже из-за неё благотворительностью занялся, приют их материально поддерживает. И Люсе хорошо, и детишкам её, подкидышам, и отцу... зачтётся где-нибудь там.

– Стас, ну что за цинизм. Дмитрий Александрович на тебя плохо влияет.

Стас засмеялся.

– А на кого он влияет хорошо?

Маша не ответила, отвернулась от него, стала смотреть в окно. Стас тоже о чём-то задумался, повисло молчание, которое Маша прервала. Спросила:

– Значит, ты думаешь, что всё прошло хорошо?

– Думаю, да. – Он руку протянул, погладил Машу по коленке. – Будем готовиться к свадьбе. Машка, ты рада?

Она улыбнулась ему.

– Рада. Я же тебя люблю.

– Замечательное заявление. Как сказал бы Дима.

– Он бы так сказал?

Стас усмехнулся.

– Я однажды слышал эту фразу в его исполнении. Кажется, после неё его жена на развод подала. Вот такие у меня замечательные родственники. Надеюсь, что твои более разумные люди.

– Не надейся, – пробормотала Маша, отворачиваясь к окну.

Выходные Маша провела в квартире Стаса. С Наташкой только по телефону поговорила, потому что той было безумно интересно, как всё прошло, настолько, что она подняла Машу телефонным звонком в воскресенье в девять утра. Наташке хорошо, она за час до этого с работы явилась, и спать только собиралась, а вот Маше пришлось подниматься с кровати, идти на кухню, чтобы Стаса не будить, варить кофе и докладывать подруге обстановку на линии фронта. Наташа была уверена, что Маша ввязалась в войну, и никаких возражений всерьёз не принимала.

– Всё только начинается, поверь мне. За такой приз, как Стасик, придётся побороться. Иначе это не реальная жизнь, а романтическое кино. А мы не в кино, Маш, поверь, я знаю.

– Всё-то ты знаешь, – проворчала Маша спросонья.

– А ты влюблённая дура.

На это возражений у Маши не нашлось.

– Наверное, ты права.

– Прекращай быть дурой, и со Стаса не слезай.

– В каком смысле?

– Во всех смыслах.

– Наташка, не знаешь, что за чёрт меня с тобой свёл?

– Какой ещё чёрт? Ангел-хранитель!

– Не бывает таких ангелов, если только окончательно падшие. Кстати, об этом. Как работа?

– О. – Наташа даже замолчала ненадолго, после чего призналась: – Круто. Но не в смысле, что всё круто. В «Клетке» всё куда серьёзнее и сложнее. Я пока разбираюсь.

– Уверена, что у тебя получится. Ты предводитель в юбке.

Стас был недоволен ранним звонком. Когда Маша вернулась в постель, проворчал, не открывая глаз:

– Кому что надо в такую рань?

Маша нырнула под одеяло, придвинулась к нему и обняла. Вытянулась вдоль его тела.

– Наташка. Любопытничала. К тому же, не так и рано, десяный час.

– Воскресенье же...

– Воскресенье, – согласилась Маша. Рядом со Стасом по-лежала, он снова уткнулся лицом в подушку, и просыпаться, кажется, не собирался, а вот ей уже не спалось. Она долго спать не умела, даже в выходные, в этом они со Стасом не совпадали. Он, по юношеской привычке, использовал любую возможность, чтобы выспаться. Долгие годы жил в на-

сыщенном ритме – тренировки, учёба, соревнования, на сон времени не хватало, и Стас до сих пор добирал недополученное. В свои законные выходные спать мог до обеда. Маша в такие дни старалась оставить его в покое, и даже предпочитала воскресенья проводить дома, чтобы заниматься своими делами, а сейчас просто лежала рядом с ним и слушала его дыхание. Вот только мысли вернулись во вчерашний день, она по привычке принялась вспоминать детали, анализировать всё, что видела и слышала, и раскладывать по полочкам. И та картина, что у неё выходила, не слишком радовала. Анна Александровна, с её изначальным неудовольствием, которое у неё даже скрыть не получалось, как она ни старалась, и последовавшим за этим странным воодушевлением, и Дмитрий Александрович, который буквально препарировал её уличающими взглядами и намёками. Харламов всегда на что-то намекал, даже если просто молча на тебя смотрел. А к Маше он присматривался как к хитрому щенку дворовой породы, который всеми возможными способами хочет проникнуть в барский дом и в нём задержаться. Только задержаться, потому что найти в этом большом, красивом доме собственное место будет очень трудно. Это Маша осознала, и именно это её сильнее всего беспокоило. Успокаивала себя только тем, что жить с Анной Александровной под одной крышей ей вряд ли придётся. У Стаса есть своя квартира, да и жить под бдительным взглядом родителей он явно не пожелает.

– Ты не хочешь помочь мне проснуться? – поинтересовался Стас негромко.

Маша голову повернула, посмотрела на него. Улыбнулась.

– Я думала, ты спишь.

– Сплю. Предлагаю тебе меня разбудить.

Её улыбка стала шире, Маша снова к нему придвинулась, обняла, потом ногу на Стаса закинула. По груди погладила.

– И как ты хочешь, чтобы я тебя разбудила? – мурлыкнула она. Рука прогулялась по его груди, спустилась к животу. Палец зацепил резинку его боксёров и тут же отпустил, та мягким щелчком ударила о его живот. Стас хохотнул.

– Примерно так, да. Но чуточку нежнее.

Она одеяло отодвинула, и сделала примерно то, о чём они недавно с Наташей говорили: перекинула через Стаса ногу и оказалась сидящей на нём. Наклонилась, чтобы поцеловать. Гладила Стаса по груди, а он руку её перехватил, полюбовался на колечко на безымянном пальце. Затем поцеловал в открытую ладонь. Маша играть с ним перестала, наклонилась и поцеловала крепко, с чувством.

– Я люблю тебя.

Он запустил пальцы в её волосы, чуть взъерошил их. Потом прижался лбом к Машиному лбу.

– А я тебя.

Она ещё секунду медлила, переживала этот момент, после чего озорно улыбнулась, натянула на них одеяло и нырнула под него. Стас рассмеялся, но потом откинулся на подушки

и закрыл глаза.

Начавшаяся рабочая неделя оставила не слишком много времени на размышления на личные темы. Вернувшись вечером воскресенья домой, соседку в квартире Маша не застала. Зато на столе в кухне чашка из-под кофе, недоеденный бутерброд на тарелке и брошенный журнал. Жить с Наташкой было неплохо, она была весёлой, компанейской, всегда готова помочь при необходимости, но вот вопрос порядка в доме всегда стоял достаточно остро. Наташка многого вокруг себя не замечала. Единственное, на что была способна, так это запустить стиральную машину. Если не забывала. Но при этом, она не так часто бывала дома, практически никогда не готовила и вещи свои не разбрасывала, поэтому Маша с недостатками подруги давно смирилась. Достоинств у неё было гораздо больше. Поэтому без всякого внутреннего возмущения прибрала небольшой бардак на кухне, и, наконец, присела за стол с чашкой чая, пользуясь возможностью побыть в одиночестве и перевести дух. Несмотря на то, что суббота закончилась ещё вчера, и был повод вздохнуть спокойно, как-то не вздыхалось. И покой в душу не пришёл. Беспокойство поменяло свою основу и стало глубже и окрасилось определёнными красками, не слишком радужных тонов. Необходимо было найти с Анной Александровной общий язык, а желательно и интересы. И выполнить её настоятельную просьбу, познакомить будущих родственников друг

с другом. Маша не надеялась, что из этого выйдет что-то хорошее, она, если честно, даже представить не могла своих родителей и родителей Стаса, сидящих за одним столом и о чём-то разговаривающих. И дело не в том, что одни хорошие, а другие плохие, и она, как дочь, их стесняется, ничуть. Просто они были разными. С непохожими судьбами, интересами и представлениями о жизни. Вот с Люсей её мама, наверняка, нашла бы общий язык, а с Анной Александровной... Маша была уверена, что будущая свекровь и стараться особо не станет. Ей просто хотелось удостовериться, что всё соответствует её низким ожиданиям в отношении выбранной сыном невесты. Не зря она так настаивала на скорейшей встрече. А если уж Дмитрий Александрович снова почтит семейную встречу своим присутствием, то...

От одной мысли об этом, Маше захотелось крепко зажмуриться, и она зажмурилась. Никто ведь не мог её видеть, и держаться невозмутимо причины не было. А ещё она поняла, что представляя себе эту встречу, её больше всего пугает даже не Анна Александровна, её реакция и поведение для Маши ожидаемы и понятны, а вот Харламов, с его улыбочками и понимающими взглядами, заставляет её сердце в ужасе замереть. И он не будет злорадствовать, вряд ли. Скорее всего, он будет наблюдать и наслаждаться новым спектаклем, устроенным будто специально для него. И сомнительно, что Стас прислушается к её просьбе не приглашать Дмитрия... куда бы то ни было, хоть на семейный обед, хоть на свадьбу.

Он же семья. И дядя для Стаса важнее, чем её мнение и желания. В этом-то и главная загвоздка в их отношениях. Они говорят друг другу «люблю», вполне искренне, но когда Маша принимается анализировать, каждый раз приходит к одному и тому же выводу: семья для Стаса важнее, чем она. И пока она не знает, что с этим делать, и нужно ли делать в принципе. Может, так и должно быть? Это воспитание, это задел на будущее. Ведь совсем скоро она тоже станет его семьёй.

Городская юридическая консультация, в которой Маша работала уже больше года, была местом, в котором никогда не было безлюдно. Посетители не переводились, особенно у стола бесплатной помощи. Эту благородную работу делили на всех поровну, и в понедельник была Машина очередь дежурить. И в этот день на посторонние мысли не было ни времени, ни сил. Маша успевала только слушать, кивать, делать пометки в ежедневнике и терпеливо объяснять гражданам положения и нормативы. За бесплатной помощью чаще всего обращались пенсионеры и малоимущие граждане, и их проблемы редко носили уголовный характер. Чаще всего их интересовало, как правильно составить жалобу и заставить чиновников её принять по всей форме. Дела эти назывались мелочёвкой и рутинной, но отнимали много времени и сил. К концу вечера Маша погрязла в бумагах и заявлениях, и поэтому радовалась тому, что во вторник её в консультации не будет, весь день предстояло провести в суде.

Причём, не в районном, а в областном. Начинаящий адвокат из городской консультации редко доводил дела до областного суда. Обычно клиенты в таких случаях адвоката предпочитали заменить на кого-то более профессионального, как они считали. Это было обидно, но обиду необходимо было замаскировать под профессиональную понимающую улыбку. Но в этот раз Маша сделала всё, чтобы заслужить доверие и благодарность клиента, и гордилась тем, что тот даже не попытался найти ей замену.

В суде встретила своего бывшего однокурсника, Игоря Ливанцова. Тот работал в частной юридической конторе, дела получал, по молодости лет, не слишком серьёзные, но ответственные, и в областном суде уже успел завести нужные знакомства. Кстати, в конторе, где Игорь работал, Маше в своё время указали на дверь. Хотя, она была не хуже Ливанцова, и диплом имела и характеристику соответствующую её знаниям, но всерьёз её не восприняли. На работу взяли Игоря, рослого, с волевым подбородком и решительным взглядом. Но надо признать, что Игорь таким и был, волевым и решительным, и наговаривать зря Маша на него не станет. Они давно переросли возраст беспричинной зависти. Вот и сегодня, встретившись в коридоре, друг друга тепло поприветствовали, а Игорь её даже в буфет зазвал.

– Ты всё, отстрелялась на сегодня?

– Да. У меня апелляция была. А ты?

– Помогаю Демидову с защитой. – Игорь голос пони-

зил. – Слышала, что Королёв на администрацию в суд подал?
Ну вот...

– Ого. И как шансы?

Ливанцов неопределённо покрутил рукой в воздухе.

– Так себе. Наверху уже всё решено, кому какое дело, что он теряет доход? Нечего было с губернатором скандалить.

– Весь город это обсуждает.

– Пойдём в буфет? Там булki вкусные продают.

– Гоша, ты всё также по булочкам спец?

– А то. Надо же откуда-то силы брать. – Он ткнул себя пальцем в лоб. – Нужно питать мозги.

– Везёт тебе. А мне булki нельзя, но чаю бы я выпила. А то в обморок с голодухи грохнусь.

– А чего ты голодаешь? – Они вошли в судебный буфет, совсем не похожий на буфет какого-нибудь заштатного районного суда. Это было просторное помещение с аккуратными столиками, накрытыми накрахмаленными скатертями, с красивой стойкой и витриной, полной всяких вкусностей. К тому же, здесь изумительно пахло только что сваренным кофе. Настолько изумительно, что Маша тут же передумала насчёт чая и заказала чашку кофе. – Проблемы финансирования?

– Да было бы это финансирование, – пробормотала Маша в лёгком возмущении, принимая от Ливанцова чашку с кофе. Он присел напротив, у него, помимо кофе, была тарелочка, на которой уютно устроились две румяные булочки

с маком. Маша не утерпела и отломила от одной маленький кусочек. Сунула его в рот, и от удовольствия глаза закрыла. А приятелю призналась: – Мне нельзя есть, мне скоро замуж выходить. Надо блюсти фигуру.

– Ты замуж собралась?

Маша на Игоря взглянула с требовательным прищуром.

– Не понимаю, чему ты так удивляешься. Думал, меня не возьмёт никто?

Игорь засмеялся.

– Да нет, чего не взять? Ты красивая.

– Это, видимо, моё самое большое достоинство.

– Смирнова, хватит к словам цепляться. Просто я был уверен, да и не только я, что ты будешь биться до последнего.

– За что?

– За место под солнцем. В статусе именитого адвоката. А ты замуж собралась.

– Одно другому не мешает.

– Брось ерунду говорить. Конечно, мешает. Кстати, кто счастливчик?

– Стас Тихонов.

Ливанцов заметно удивился, после чего присвистнул.

– А, ну тогда ясно.

Маша пнула его под столом.

– Что тебе ясно? Это любовь.

Игорь разулыбался.

– Не сомневаюсь.

Маша как раз собиралась с ним поспорить, но её отвлекло появление Харламова. Дмитрий Александрович вошёл в буфет, в идеальном костюме, в идеальной белоснежной рубашке и при дорогом стильном галстуке, впрочем, он всегда так выглядел, по сторонам не смотрел и никому не улыбался. Прошёл к барной стойке и на неё облокотился. Маша уставилась на него, как ягнёнок на волка, не в силах отвести глаз. И услышала его голос, когда он к буфетчице, женщине средних лет в белом переднике обратился:

– Лиза, сделай мне кофе.

Та расплылась в улыбке, в явной попытке Харламову угодить.

– Одну минуту, Дмитрий Александрович. Только сварила, как почувствовала, что вы зайдёте.

Дмитрий на её любезный тон никак не отреагировал, стоял и барабанил пальцами по стойке, и думал о своём. Потом руку поднял и волосы взъерошил.

– Харламов в своём репертуаре, – шёпотом проговорил Ливанцов, тоже наблюдая за Дмитрием.

Маша всё же отвела глаза от фигуры Харламова, на приятеля посмотрела. Поинтересовалась:

– Что ты имеешь в виду?

– Он перед заседанием всегда такой. По коридору идёт и никого вокруг себя не видит. Все уже привыкли.

Маша приказала себе на Дмитрия Александровича больше не смотреть, но вместо этого то и дело косилась на Харла-

мова. Тот так и стоял у стойки, не присел,пил кофе и смотрел в окно. А Маша думала о том, что ей предпринять, когда он обернётся и увидит её. Поздороваться, как ни в чём не бывало? Улыбнуться ему или холодно кивнуть?

Дмитрий кофе допил, в той же задумчивости по стойке ладонью стукнул, и направился к выходу. Прошёл мимо Маши, совсем рядом, но его взгляд на ней ни на секунду не задержался. Маша его взглядом проводила, понимая, что уязвлена. Чем именно не понимала, – не заметил и не заметил, подумаешь, – но досаду почувствовала.

Сегодня она не торопилась покинуть здание суда. Простившись с Ливанцовым, который спешил в контору, отчитаться о прошедшем заседании, Маша поклонялась по коридору, присматриваясь к людям, никого из знакомых больше не встретила, а затем спустилась на первый этаж, заглянула в расписание слушаний. Харламов выступал в защите по делу о мошенничестве, четвёртый этаж, зал 48. Зачем ей в этот зал, Маша точно объяснить не могла, но поднялась на лифте на нужный этаж. У дверей в зал стоял пристав, но адвокатское удостоверение убедило его пропустить её в зал. Маша на цыпочках проскользнула внутрь, стараясь никого не побеспокоить своим появлением, и присела на заднем ряду. Прокурор как раз зачитывал детали обвинения, судья слушал, все в зале выглядели серьёзными, и только Харламов сидел, откинувшись на кресле, и едва заметно крутился на нём из стороны в сторону. Слушал, но на лице

его особой заинтересованности заметно не было. Он будто думал о своём.

– Защите есть что сказать? – поинтересовался седовласый судья, когда прокурор с серьёзным лицом закончил свою речь и сел.

Дмитрий кашлянул, поднялся.

– Да, ваша честь. У нас будет ходатайство, мы просим о доследовании. Мы считаем, что прокуратура несерьёзно отнеслась к заявлениям моего клиента в части полученных от гражданина Савушкина угроз в физической расправе. У нас есть доказательства преследования и письменных угроз. Прокуратура почему-то об этом умалчивает.

– Дмитрий Александрович, – судья откровенно усмехнулся, – хотите сказать, что ваш клиент скрылся с деньгами гражданина Савушкина, потому что боялся, что его побьют?

– А почему нет? Я бы тоже скрылся. Особенно, когда меня обещают лишить самого важного.

– Рискну полюбопытствовать: чего именно?

– Явно не чести, – негромко проговорил прокурор, посмеиваясь и уткнувшись в бумаги.

Харламов послал ему ехидную улыбку.

– Явно. И даже не денег. Мой клиент всерьёз опасался, что его лишат мужского достоинства. Михаил Петрович, вы ведь опасались?

Дюжий дядя с печальным лицом также печально кивнул. А мужчина средних лет, сидящий рядом с прокурором

лишь головой качнул, видимо, поражаясь чужой наглости. Он, кстати, весовой категории ответчика никак не соответствовал, но Дмитрия Александровича это несколько смущило.

– У нас есть письменное доказательство, где, как мы убеждены, рукой истца, написана угроза нарушить репродуктивную функцию моего клиента, раз и навсегда.

– А на заборе я ничего не писал? – возмутился мужчина.

– Истец. – Судья даже пальцем ему погрозил, а Харламов полюбопытствовал:

– А вы писали?

– Дмитрий Александрович, давайте уже закончим этот цирк, – попросил прокурор, – посмеялись и будет.

– Мне вот несколько не смешно. Я, знаете ли, дорожу этой частью своего тела, считаю, что она не так дурна и ещё мне пригодится. Поэтому понимаю страх и возмущение своего клиента. И прошу суд обратить внимание на угрозы истца, которые мы готовы документально подтвердить, и которые не позволили моему клиенту вовремя выполнить условия договора по возврату оговоренной ранее денежной суммы.

Маша сидела и улыбалась. Даже губу закусил. А потом Дмитрий обернулся, и без сомнения в этот момент её увидел, замолчал, сбился на секунду. Немного удивился, но затем усмехнулся. А Маша машинально подняла руку и указала ему на волосы. Харламов тут же свои пригладил, ещё мгновение сверлил её весёлым взглядом, после чего вернул-

ся за стол. На кресле покрутился, снова на Машу посмотрел. Кажется, её присутствие его не на шутку развеселило.

– Дмитрий Александрович, ты собой доволен?

Маша слышала, как прокурор, проходя мимо Харламова, задал ему этот вопрос. Дмитрий усмехнулся, складывал документы в дорогуший портфель.

– Буду доволен, когда судья вердикт вынесет.

– Ты хочешь вердикт в свою пользу за слово из трёх букв на мятой бумажке?

– Посмотрим. Евгений Палыч, а ты чего так разволновался? Может, по коньячку?

– Я с тобой не пью. Когда работаю.

– Ну, тогда после вердикта? К тому же, мне не до тебя, меня вон девушка дожидается. А тебя товарищ полковник в прокуратуре.

На Машу уставились две пары мужских глаз, после чего Евгений Павлович в прокурорском кителе, кинул на Харламова выразительный взгляд.

– Порой даже позавидуешь, как некоторые хорошо устроились.

– Палыч, ты не согласишься, родственница!

– Конечно.

– Я, правда, родственница, – вмешалась в их разговор Маша, точнее, попыталась это сделать. – А ещё адвокат.

– Ты слышал, Палыч, она адвокат.

Маше подарили снисходительную улыбку, недоверчивый

взгляд, и прокурор Евгений Павлович покинул зал заседаний.

– Ты что здесь делаешь, родственница?

– У меня была апелляция. Потом вас увидела в расписании, решила послушать.

– И как?

– Вы очень любите все части своего тела, Дмитрий Александрович. Я это поняла.

Он посмеялся. Отошёл на шаг, окинул Машу взглядом.

– Как любой нормальный человек, – сказал он.

Они вышли вместе из зала, причём Харламов то ли позабыл, то ли просто не подумал пропустить её в дверях вперёд. И по коридору направился бравым шагом. Маше пришлось его догонять. Хотя, она понятия не имела, зачем это делает.

– И как ваши шансы? – спросила она.

– После дурацкого представления?

– Да.

– Думаю, повысились.

– Потому что судья – мужчина?

– Потому что мне нужен был повод для отсрочки. Я её получил. Пусть и такой глупый повод. Иногда нужно уметь посмешить людей. – Дмитрий кинул на неё изучающий взгляд. – Маша, ты боишься быть смешной?

– Боюсь ли?.. Не знаю. Но это неприятно.

– А ради дела?

– Возможно.

– Это не тот ответ.

Она выдохнула. После чего сказала:

– У меня ещё не возникало подобной ситуации.

– Правильно. Потому что ты не даёшь ей развиваться. Ты тут же глушишь её подборкой статей и законов. А судьи, знаешь ли, тоже люди. И мало того, прокурорские тоже люди. Нужно уметь заводить друзей.

– Дмитрий Александрович, кого вы обманываете? Хотите сказать, что этот... Евгений Павлович ваш друг?

– Когда мне это нужно, он мой друг.

Они остановились перед выходом, дожидаясь пока охрана проверит входящих и осмотрит их сумки. И Дмитрий, воспользовавшись моментом, повернулся к Маше. Они стояли рядом, и ей даже пришлось закинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо. И тут же решила, что она зря это сделала. Взгляд Харламова был внимательным, даже въедливым. А ещё он посетовал:

– Ты совсем не улавливаешь сути, детка.

Маша обдумала его слова, но не смысл, а его тон.

– Во-первых, я не детка, а во-вторых, я улавливаю. Но не думаю, что я согласна.

– Ты просто маленькая ещё.

На это она отвечать не стала, потому что любое её слово против, он воспринял бы, как доказательство своего предположения.

Они вышли из здания суда, и Дмитрий спросил:

– Ты на машине?

– У меня нет машины.

– Как? Совсем? А как же ты передвигаешься?

– Общественным транспортом, Дмитрий Александрович.

– Дичь какая. Купи себе машину.

– Как только заработаю.

– Это долго. Хочешь, я тебе куплю машину?

Маша брови сдвинула.

– За что?

Он стоял совсем близко и широко улыбался, глядя на неё.

– За то, что родственница.

Под его взглядом она смущённо кашлянула. Горло перехватило непонятным спазмом, а взгляд метался между тяжёлым подбородком Харламова, узлом дорогого галстука и лацканами пиджака стального цвета. Маша не могла себя заставить посмотреть Дмитрию в глаза. Уже и не рада была, что отправилась на это слушание, не понимала, что её завлекло (ну, помимо адвокатского таланта Дмитрия Харламова, конечно), и теперь стояла перед ним, как девчонка, с портфельчиком в руках. И её портфельчик не шёл ни в какое сравнение с портфелем Дмитрия Александровича из натуральной кожи питона.

– Пойдём, я тебя отвезу. – Он непринуждённо приобнял её за плечи. И жест был именно непринуждённый, ничего не значащий, и прицепиться ей было не к чему. И когда Маша машинально отступила из-под его руки, это снова сыграв

ло не в её пользу. Она казалась странной и жеманной.

– Не нужно, я доберусь.

– Прекрати выдумывать. – Харламов остановился и к Маше повернулся. И взглянул уже совсем иначе, с явным недовольством её поведением. И голос его зазвучал наставительно. – Никогда себя так не веди. Если, конечно, хочешь стать хорошим адвокатом. Ты из всего должна извлекать пользу, даже из мелочей. Замечать их и использовать. И отказаться оттого, что тебе необходимо, это верх глупости. Даже в таких мелочах. Первое правило адвоката – это уверенность в себе. Второе – умение расположить к себе людей и убедить их в чём угодно. То есть, ты должна быть искренна и доброжелательна. И третье – ты должна уметь улыбаться, не смотря на то, что у тебя на уме на самом деле. Даже если ты проигрываешь дело. Улыбаться ты умеешь, теперь научись этим пользоваться. И перестань строить из себя гордячку, я таких не люблю. – Он снова указал рукой в сторону ряда машин на стоянке, там стоял его «Кайен». – Пошли, я отвезу тебя в твою бесплатную контору.

– Мне к парикмахеру надо, – сказала Маша, обгоняя его на шаг и направляясь к его машине.

Дима улыбнулся ей вслед.

– Как скажешь, дорогая.

– Замуж? Ты собралась замуж?

В голосе матери слышалось серьёзное удивление, и даже непонимание. Маша дала ей минуту на это удивление, выслушала вопрос несколько раз, в это время разглядывая узор на кухонных обоях, после чего рискнула вклинить в тираду матери о том, что она не понимает, из-за чего вдруг такая спешка.

– Мама, никакой спешки нет, не нужно выдумывать. Мы со Стасом встречаемся не первый месяц, и я тебе про него рассказывала.

– Рассказывала, – согласилась Галина Ивановна, тон её оставался настороженным. – Но мы даже незнакомы.

– Познакомитесь, – успокоила её Маша. – Обязательно познакомитесь. В ближайшее время.

Галина Ивановна перевела дыхание. Раздумывала над словами дочери. Затем пожаловалась:

– Всё равно это неожиданно. Я не думала, что ты соберёшься замуж.

Маша невесело хмыкнула.

– Странно, но почему-то никто так не думал. И все удивлены. Со мной что-то не так?

– Всё с тобой так, – раздосадовано проговорила Галина Ивановна. – Но ты была так нацелена на карьеру, а теперь...

– А что теперь?

– Маша, от таких вопросов мне ещё больше не по себе.

Семья – это не погулять выйти. А дети пойдут?

– Так сразу они не пойдут, мама.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что мы живём не в средние века. И появление детей не только от Господа Бога зависит. Мы сами не плошаем.

– Маша, – голос матери зазвучал расстроено, и Маша знала, чем именно она расстроена. Её речами. Пришлось извиняться.

– Прости. Я больше не буду. Я совершенно не хочу ругаться с тобой, я ведь звоню сообщить радостную новость. Ты за меня не рада?

Мать помолчала.

– Рада, – проговорила она, в конце концов. – Если ты рада.

– Я рада, – поторопилась успокоить её Маша. – Я его люблю, он замечательный, хороший, красивый, талантливый. С ним у меня начнётся совсем другая жизнь.

– В этом дело?

– И в этом тоже, мама. И я не вижу в стремлении жить лучше, стать лучше, ничего плохого. Да, Стас – человек обеспеченный.

– Он слишком молод, чтобы быть обеспеченным.

– У него богатые родители, – пришлось признаться Маше.

– И что, они спят и видеть заполучить тебя в невестки?

– Вот зачем ты портишь мне настроение?

– Значит, я угадала, они не слишком рады?

– Это не так. Мы только познакомились, и нужно время, чтобы узнать друг друга... получше.

– Ты только что познакомилась с его родителями, мы не встречались с твоим Стасом ни разу, ты не горела желанием привести его к нам в дом, но вы женитесь. Сколько ему лет?

– Двадцать семь.

– И когда свадьба?

– Дату мы ещё не обговаривали. Мама, вам с папой нужно приехать. Анна Александровна хочет с вами познакомиться.

– Ты уверена?

– Мама!

– Что? Паша, ты слышишь? Маша собралась замуж, и нас богатые родственники знакомиться приглашают.

– Машка замуж собралась? – Маша услышала взволнованный голос младшей сестры. Светка, кажется, запрыгала вокруг матери, пытаясь отобрать у той трубку. – За кого замуж? – И тут же визг. – За Стаса Тихонова? Мама, мама, скажи, за него?

– Перестань кричать, – твёрдым голосом попросила её Галина Ивановна, и Маша поняла, что всё плохо. Она не ждала, что мама воспримет её новость, как главную новость года, зная её природный скептицизм и настороженность, но хотя бы не в штыки. Похоже, что надежды не оправдались.

Светка всё-таки выхватила у матери телефонную трубку, и заголосила Маше прямо в ухо:

– Скажи мне, скажи! За Стаса?

На энтузиазм сестры Маше не могла не улыбнуться, хотя настроения это совсем не подняло.

– Да, за Стаса.

– Какая круть, Машка! Все умрут от зависти!

– Кто?

– Да все! Ой, что будет, когда я в училище расскажу!.. Блин, мне же не поверит никто! А ты фотку можешь прислать?

– Свет, тебе надо папарацци стать. Ну, какую фотку? Чтобы ты тыкала её под нос всем и каждому?

– А на свадьбу мы поедем?

– Конечно, поедете. Только нужно для начала определиться, всё обговорить...

Галина Ивановна трубку у младшей дочери отобрала.

– Маша, я тебя учить не собираюсь, но мне не нравится ситуация.

– Мама, что именно тебе не нравится? Я же сказала, что познакомлю вас. Но лучше всего, если вы приедете, и здесь познакомитесь не только со Стасом, но и с его родителями.

– То есть, приедем дочку им с рук на руки передавать? Даже отец против.

– Правда? – не поверила Маша, начиная впадать в раздражение. – Он оторвался от телевизора и сказал, что он про-

тив? Или ты додумала за него и решила?

– Не говори со мной так. Я беспокоюсь, а не упрямлюсь. Это ты упрямишься.

– В чём?

– Ты мне ничего не сказала вовремя.

– Вовремя – это когда?

– До того, как пришло время ехать знакомиться с его семьёй. Так не поступают, Маша. Наше мнение тебя совсем не интересует?

Маша даже зажмурилась.

– Мама, зачем ты так говоришь? Ты же знаешь, что это неправда.

Галина Ивановна вздохнула, смиряясь.

– Знаю. Но со стороны это выглядит именно так. Мы заживимся всем семейством, дочку замуж выдавать, да?

– И что ты предлагаешь?

– Приезжайте вместе. Он же познакомил тебя с родителями, вот и ты познакомь его со своими. А уж дальше будет видно.

– Привезти его к нам?

– А в чём дело? Или тебя что-то смущает?

– Мама, он же... Стас Тихонов! – Маша даже голос понизила для выразительности. – У него совершенно другие представления о жизни.

– Значит, его кругозор значительно расширится. И это, как раз, будет честно. Ты так не считаешь?

Мама была непреклонна. Маша в какой-то момент поняла, что спорить с ней бесполезно, и на этом они простились. И отец вряд ли её поддержит. Он в таких вопросах всегда полагался на жену, как Галя скажет, так он и поступит. Зря Маша надеялась, что родители приедут в большой город, порадуются за неё, познакомятся со Стасом и его семьёй, и всё закончится свадьбой. Мама была недовольна её решением, и Стаса заочно не одобрила. Скорее всего, её смущал завидный статус её жениха. Она читалась про него в журналах, за это следует сказать «спасибо» Свете. Та, как узнала, что Маша встречается со Стасом Тихоновым, окончательно на нём помешалась. Вырезала его фотографии в журналах, собирала статьи и вступила, кажется, во все фан-группы в социальных сетях. Она мечтала познакомиться с ним, и, видимо, мама наслушалась от неё лишней информации, и такому родственнику не обрадовалась. Надо же, а. Анна Александровна ей, в качестве невестки, не слишком обрадовалась, казалось бы со Стасом должно быть всё наоборот, он же мечта, но и он не ко двору пришёлся. Дмитрий Александрович точно повеселится, если узнает об этом. И заявит, что это полностью Машина вина. Она неудачно преподнесла информацию, не смогла убедить. Поэтому она плохой адвокат. А ведь дело, по сути, плёвое. Как на блюдечке с голубой каёмочкой преподнести золотой слиток. Казалось бы, что может быть проще? Все должны быть счастливы. Но не тут-то было. Стас над её расстройством посмеялся.

– Наверное, она не хочет отдавать тебя замуж.

– Причём здесь хочет или не хочет? Просто упрямится.

А говорит, что упряплюсь я.

– А я тебе давно предлагал, говорил, что надо съездить к твоим.

– Надо было, – проговорила Маша, устраиваясь у Стаса под боком на диване. Тот смотрел спортивный канал, с интересом следил за баскетбольным матчем, а Маша подумала о том, что с её отцом Стасу, возможно, найдётся, что обсудить. Отец тоже бесконечно смотрит спортивные каналы. Всё, что его интересует – это выпуски новостей и спорт. Сериалов и криминальных разборок он категорически не признаёт.

Она помолчала, понаблюдала за действием на экране, Стас молчал, увлечшись не на шутку, и Маша в какой-то момент дёрнула его за руку.

– Стас.

– М-м.

– Твоя мама в чём-то права.

– Моя мама во многом права. Что именно ты имеешь в виду?

– Разницу в нашем социальном положении.

Стас презрительно фыркнул.

– Маш, я не признаю таких разговоров, ты знаешь.

– Знаю. И я люблю тебя за это. Но даже если не признавать... Ты ведь не представляешь другой жизни, кроме сво-

ей. А за пределами большого города другая жизнь.

Он глаза к её лицу опустил. Едва заметно усмехался.

– И какая?

– Обычная. Маленький город, старые улицы, многоквартирные дома с тесными квартирами. А в них люди, живущие своими маленькими жизнями, иногда с большими проблемами.

– Ты на работе этого наслушалась?

– Нет. Я выросла в таком городе, в такой квартире. И я пытаюсь тебе объяснить.

– Маш, зря ты думаешь, что я такой жизнью не жил. Мы тоже не из царской династии, и я не родился в том доме. Мы тоже жили в обычной квартире, в обычном доме.

– Когда?

– Давно. Но я помню...

– Ничего ты не помнишь.

Он улыбнулся.

– Помню. А ты что, стесняешься этого?

– Да нет же. Просто я думаю, что ты сильно удивишься...

– Ты меня и без того удивляешь. Я знаю, что ты у меня отъявленный молодец. Я и матери это сказал.

– Что?

– Что ты умница. Всего сама добиваешься.

– А она? – Маша дыхание затаила, в ожидании ответа.

Стас же плечами пожал.

– Сказала, что рада твоим успехам. Кстати, она просила,

чтобы ты к ней заехала. Она хочет с тобой поговорить.

Маша в растерянности моргнула. Снова схватила Стаса за руку, когда он к телевизору отвернулся.

– О чём поговорить?

– Откуда я знаю? Наверное, о свадьбе. Хочет узнать тебя получше. – Он руку поднял, погладил Машу по щеке. – Я же тебе говорил, что всё будет хорошо. Мама успокоится, обдумает всё и начнёт строить планы.

– А когда... когда я должна с ней встретиться?

Стас потянул себя за ухо.

– Думаю, тебе стоит ей позвонить и самой спросить.

Маша взволнованно хмыкнула.

– Взять и позвонить твоей матери? Просто взять и позвонить?

– Малыш, хватит так волноваться из-за одного её имени. Она тебя не съест.

– Хорошо тебе говорить...

– Откуда мне знать, хорошо или нет, – рассмеялся Стас. – Ты меня с будущей тёщей не знакомишь.

– Познакомлю, – пообещала Маша. Снова к нему придвинулась, обняла, и пока Стас отвлёкся на баскетбольный матч, принялась строить планы.

Надо признать, что второй визит в дом Тихоновых, Машу страшил не так сильно. Она знала, что её ждёт, не надеялась на большее, что могла от Анны Александровны получить или услышать. К тому же, в этот раз они ехали со Ста-

сом к его матери с определённой целью, по крайней мере, определиться с днём свадьбы. Они и в машине, по дороге к Тихоновым, обсуждали дату. В пятницу у Маши выдалась свободная половина дня, и этим стоило воспользоваться.

– Иначе с твоим графиком, мы никогда не поженимся, – смехом жаловался Стас.

– Обычно на это женщины жалуются.

– Обычно женщины, но в нашей семье трудоголиком, чувствую, будешь ты.

– А ты не трудоголик?

– Я себя люблю больше. В отличие, от вас с Диманом. Так что, тебе повезло, я буду тебя притормаживать. А вот представь, если бы тебе в мужья достался бы кто-то вроде моего дяди? Вы бы даже не встречались неделями.

– А почему ты об этом говоришь?

Стас кинул на Машу весёлый взгляд.

– Не знаю, просто к слову пришлось. А ты что так удивилась?

Маша постаралась справиться со смятением. Стасу улыбнулась.

– Наверное, потому, что тоже не представляю.

Но, слава Богу, о Харламове они долго не рассуждали. Снова переключились на возможную дату бракосочетания.

– Мама говорит, что раньше сентября нечего и думать. Говорит, что не успеем.

– Сентября? – Маша разгладила подол юбки на коленях.

Очень бы не хотелось появиться перед Анной Александровной помятой.

Стас вздохнул.

– Я тоже не знаю, чем мы будем заниматься три месяца, но, думаю, она знает лучше.

– Стас.

– Что?

– Скажи мне честно, она недовольна?

– Из-за нашей свадьбы? – Он посмотрел на неё, встретил Машин пристальный взгляд, и понял, что она до сих пор переживает. Руку протянул, потрепал Машу по щеке. Шутливо нахмурился. – Маша, я тебе клянусь... Мама уже успокоилась. И о свадьбе думает больше, чем мы с тобой. Кажется, она уже всё распланировала. Вот сейчас приедем, и она тебе всё расскажет в деталях.

– В деталях, – повторила за ним Маша негромко. Будь ситуация немного иной, то она вряд ли бы обрадовалась тому, что кто-то малознакомый в деталях планирует её свадьбу. Всё-таки это её день, один из самых важных дней в жизни, и он должен стать красивым и удивительным именно для них со Стасом. И детали должны продумывать они. Но интуиция подсказывала, что спорить с Анной Александровной не стоит. Тем более из-за этих самых деталей. А если рассуждать критически, то ей и, правда, некогда обдумывать мелочи, подыскивать декораторов, музыкантов, выбирать цветы и скатерти. А их свадьба со Стасом не может быть абы ка-

кой. Она должна стать событием, и, наверняка, станет событием, ведь несмотря на окончание громкой спортивной карьеры, у Стаса осталось немало поклонников, за его личной жизнью и успехами следят таблоиды, и поэтому Стас Тихонов не может тихо расписаться, выпить шампанского у ступеней городского загса и закончить этот день в заштатном ресторане. Анну Александровну даже «Мартиника» вряд ли устроит. И Маша, соглашаясь на предложение Стаса, понимала и осознавала свой выбор. По крайней мере, должна была осознать сразу же после того, как перестала задыхаться от восторга. Поэтому сейчас и едет в дом к будущей свекрови, сдавать, так сказать, свои позиции. Анна Александровна, на самом деле, лучше неё знает, какая свадьба должна быть у её единственного сына. В конце концов, будет немало гостей, и большинство из них со стороны Тихоновых. А там в кого пальцем не ткни, всё какая-нибудь шишка или нужный для бизнеса человек. Поэтому ей стоит смирить свои сомнения и пожелания, и прислушаться к тому, что говорят старшие. Может, это пойдёт на пользу их отношениям с Анной Александровной. Если та поймёт, что Маша готова к ней прислушиваться и уважать её мнение.

В этот раз Анна Александровна их лично встретила, и даже улыбкой. Выглядела безукоризненно, Маша бы подумала, что готовилась к их приезду, но что-то подсказывало, что Анна Александровна всегда так выглядела, без всяких исключений. Маша же, проходя мимо большого зеркала в хол-

ле, постаралась успеть кинуть на себя взгляд. Особо ничего рассмотреть не смогла, но надеялась, что выглядит прилично, по крайней мере, будущая свекровь сочтёт её внешний вид приемлемым. Хотя, ничего приличного она увидеть не могла. Утро Маша провела в суде, одета была по деловому, как и положено адвокату. Костюм и шёлковая блузка. Стильно, со вкусом, и не перебарщивая со скромностью. Как говорил Харламов: «Никакой скромности, забудь это слово, только вперёд, не отступать». В последние дни она без конца вспоминала его нравоучительную речь. Хотелось бы почувствовать возмущение, но вместо этого она её наизусть заучила, и, кажется, собиралась выстраивать по ней если не жизнь, то карьеру. Смущало только то, что установку ей Дмитрий Александрович дал. Ведь вместе с его напутствием вспомнились и взгляды – насмешливые и даже чуточку ехидные.

Но сейчас не о нём.

– Мама, ты прекрасно выглядишь.

Анна Александровна сыну улыбнулась, у неё даже глаза загорелись при виде него, Маша заметила, но решила, что правильное отвести взгляд, хотя бы на минуту, дать возможность матери и сыну поздороваться без чужого надзора. К тому же, про неё довольно скоро вспомнили.

– Маша, здравствуй.

Анна Александровна сына от себя отпустила, повернулась к Маше и той улыбнулась. Руку для приветствия не подавала, и Маша сочла это хорошим знаком. Рукопожатие – при-

ветствие весьма формальное, будущим родственникам формальности ни к чему.

– Рада вас видеть, Анна Александровна.

– И я вас обоих рада видеть. Пойдёмте, я попросила накрыть стол. Стас, ты обедал?

– Обедал, мам. А отца нет?

– Нет, он на работе. А Дима был утром. В общем, я одна.

Стас взял Машу за руку, и они пошли за его матерью в столовую. Он улыбнулся.

– А Афанасий?

– Афоня – единственное моё развлечение. И он никогда со мной не спорит и от меня не убегает.

– Люся тоже уехала?

– Ещё позавчера. Её дома ждут дети, муж. Как мы можем её задерживать? Хотя, когда она у нас гостит, Боря с Димой предпочитают ужинать дома. Маша, вы умеете готовить?

– Умею. Но, явно, не так, как Люся.

– Это простительно. Так, как она печёт пироги, мало кому дано. И пироги не главное. Ведь правда, Стас?

– Конечно, мама. Папа тебя без пирогов любит.

Анна Александровна мягко засмеялась.

– Очень на это надеюсь. – Указала рукой на обеденный стол. – Садитесь, сейчас принесут чай. Стасик, может, покушаешь? Мясной рулет есть.

Стас сел, всё-таки призадумался о перспективе второй раз пообедать, но затем головой качнул.

– Ой, мам, нет. Я пока Машу ждал, в ресторане пообедал.

Маша присела на соседний с ним стул, окинула быстрым взглядом идеально сервированный к чаю стол. Подумать только, фарфор, серебро, даже чайные ложки лежат на одинаковом от блюдца расстоянии. Этот стол так и хочется сфотографировать и отправить снимок в какой-нибудь журнал по кулинарии или этикету. Наверняка, можно получить награду.

Анна Александровна присела напротив них. Посмотрела на сына, потом на Машу. Её губы тронула улыбка.

– Что ж, рассказывайте. Что произошло за неделю, какие мысли появились, новости.

– Новостей никаких. Наверное. – Он кинул на Маша заговорщический взгляд. – Ведь так?

– Пытаемся определиться с датой, – сказала Маша.

– Чтобы определиться с датой, нужно подать заявление, дорогие мои. Если вы не забыли об этой детали.

– Так мы собираемся, мам. На следующей неделе.

– Да, а до этого решили с вами обсудить, – вмешалась Маша.

Анна Александровна задержала на ней взгляд.

– Это правильно.

Девушка принесла им чай, разлила по чашкам, не забывая мило улыбаться. Маша украдкой наблюдала за ней.

– Я позвонила своей давней знакомой, Стас, ты должен её помнить, Люба Свиридова, у неё в прошлом году дочка

замуж выходила. Она мне много чего рассказала интересно-го. Например, она говорит, что ведущего нужно непременно выписывать из Москвы. Стас, ты знаешь кого-нибудь?

– Ну, знаю, но я как-то не думал...

– А вот зря не думал, оказывается, так нужно. И платье лучше шить на заказ, а не покупать готовое. На это тоже нужно время, к хорошим портнихам очередь на месяцы вперёд. Но Люба обещала помочь с этим. Но нам нужно будет съездить в Москву, всем вместе.

Анна Александровна говорила и говорила. Маша слушала её, понимая, что она не в силах ничего запомнить. То есть, она понимала, что всё ею услышанное правильно и своевременно, и этим нужно заняться, как можно скорее, составить список, ничего не забыть, вот как Анна Александровна. Ведь это её свадьба, но на неё вылили огромный поток информации, причём о том, что Маше в голову и не приходило, если честно. Стас сидел рядом, пил чай, ел вишнёвый пирог и только кивал, а затем и вовсе из-за стола поднялся, когда у него телефон зазвонил. Он извинился и вышел, а Анна Александровна проводила сына взглядом. Наконец, взяла паузу и тоже решила выпить чая. А у Маши поинтересовалась:

– Так что ты думаешь?

– Думаю... Я думаю, что на это, на самом деле, необходимо несколько месяцев подготовки.

– Я только пересказала вам то, что слышала от Любы.

И это пугало. По крайней мере, Машу.

Стас вернулся довольно быстро, скроил виноватую физиономию. Наклонился, опираясь на стол.

– Девочки, вы не будете возражать, если я вас одних оставлю?

– Что случилось?

– Ничего серьёзного. Но нужно срочно на работу. Маш, я за тобой заеду... через пару часов. Хорошо?

Маша растерялась от такого предложения. Несколько часов наедине с Анной Александровной? А она выживет? Вот так сразу, без подготовки?

Анна Александровна тоже секунду раздумывала, и когда заговорила, Маше даже пришло в голову, что она также усомнилась в своих силах провести с будущей женой сына столько времени. И решила найти решение.

– Не выдумывай, – сказала она сыну. – Мы же не в глуши живём, Маше вызовут такси. И тебе не нужно будет торопиться, и срываться с места.

Стас взглянул на Машу в сомнении, но та поспешила кивнуть.

– Всё правильно, Стас. Я прекрасно доберусь до города на такси, не переживай.

Он, после короткого сомнения, кивнул.

– Хорошо, не буду переживать. – Наклонился сначала к Маше, поцеловал, затем к матери. И довольно улыбнулся, глядя на них. – Как мне нравится видеть вас вместе.

Маша ему улыбнулась, а вот Анна Александровна из-за стола поднялась.

– Провожу его. Я ненадолго.

Маша вежливо кивнула, и почувствовала настоящее облегчение, когда ненадолго осталась в столовой одна. Расслабилась, откинувшись на спинку стула, позволила себе оглядеть комнату, любопытство можно было ни от кого не скрывать. Только Афанасий лежал на кресле у камина, шурил жёлтые глаза, но Маша, судя по всему, ему была безразлична. Кот только широко зевнул и махнул пушистым котом.

В столовую заглянула молоденькая горничная, которая до этого приносила чайник, но Анна Александровна, которая в этот момент вошла через другую дверь, её одним коротким жестом руки выгнала. Именно выгнала, почему-то Маше так показалось. Девушка тут же скрылась за дверью и плотно прикрыла её за собой.

Анна Александровна в молчании вернулась к столу, к Маше приглядывалась. А когда присела, сказала:

– Это даже хорошо, что Стас уехал. Мне бы хотелось поговорить с тобой наедине. – Это прозвучало предостерегающе, но Анна Александровна тут же добавила: – Мы очень плохо знаем друг друга, Маша.

Той пришлось кивнуть.

– Да.

– У Стаса было достаточно много девушек. Насколько я знаю. Но он редко кого приводил в дом. Говорил, что приве-

дёт в дом невесту или, по крайней мере, ту девушку, которую полюбит по-настоящему.

Маша скромно улыбнулась, но Анна Александровна была серьёзна, и это не давало расслабиться.

– Но всё равно это случилось неожиданно. – Анна Александровна придвинула к Маше фарфоровую вазочку с яблочным вареньем. – Попробуй. Я сама варила. Иногда люблю... постоять у плиты.

– Спасибо. Я пробовала, очень вкусно.

Анна Александровна покивала. А следом задала вопрос:

– Ты любишь Стаса?

Вот тут следовало быть осторожной. Не перестараться и не скатиться в пустые восторженные заверения.

– Очень люблю, Анна Александровна.

– Я тебе верю. Вы молодые, красивые. И я вижу, что Стас в тебя влюблён. Он тобой гордится, ты знаешь? Он всегда так отзывается о тебе, как об адвокате. Словно ты уже представляла его интересы.

– Не представляла. И надеюсь, случая не представится.

– Я тоже очень на это надеюсь.

– Он видит, что я много работаю, Анна Александровна. Наверное, из этого делает выводы.

– Ты работаешь в бесплатной консультации. Дима так сказал.

Такое ощущение, что кроме Димы, в этом доме ничьё мнение для Анны Александровны особого веса и значения

не имеет.

– Это не совсем так, – принялась оправдываться Маша. – Она не совсем бесплатная. Но мы городская юридическая служба, к нам приходят граждане за консультациями... Какие-то дела мы ведём бесплатно, у нас есть такая...

– Меня интересует не это, Маша. Почему вы там работаете? Из человеколюбия?

Маша не знала, куда смотреть. Встречаться взглядом с Анной Александровной не осмеливалась, боялась, что её насквозь прожжёт.

– Найти работу в приличной адвокатской фирме, не так просто, Анна Александровна. Нужен опыт, характеристики, чьи-то поручительства. Всё это нужно заработать.

– То есть, вы не нашли другой работы?

– Эта работа ничем не хуже. Просто там меньше платят. От этого не меняются законы, проблемы людей, фамилии судей.

– Странно, Дима говорит по-другому.

Маша заставила подавить в себе раздражение при очередном упоминании имени Харламова.

– Дмитрий Александрович человек с огромным опытом и, без сомнения, талантливый. У нас с ним разный уровень образования и изначальные возможности.

– Намекаете, что ему всё досталось легко? Отнюдь. Да, наша семья всегда принадлежала к среднему классу, и родители не скупились на Димино образование, но дорогу он себе

сам пробивал. И, кстати, вы были несправедливы к нему.

– Когда?

– В субботу. Сказали, что он вернулся из Москвы, потому что здесь было проще. К вашему сведению, он работал в Москве несколько лет, весьма успешно. Вернулся из-за родителей, да так и остался. Я сильно расстроюсь, если он решит вернуться в столицу.

Под её обвиняющим взглядом стало стыдно, настолько, что трудно дышать. Маша чувствовала себя так, словно выгоняла Харламова из города, будто ей это под силу.

– Значит, вы хотите сделать карьеру, Маша?

– Я не знаю, что вы подразумеваете под словом «карьер», но я люблю свою работу. Мне интересно, и, надеюсь, этот интерес не пройдёт.

– То есть, вы собираетесь работать после свадьбы?

– Конечно.

Анна Александровна покивала, а скептицизма в её взгляде прибавилось. Машу это удивило, она даже рискнула пояснить:

– Стас никогда не говорил, что хотел бы видеть меня дома. Только женой.

– Он и не скажет. Он для этого слишком молод. Мужчины в этом возрасте женятся бездумно, Маша. Не примите это на свой счёт, я вам это по житейскому опыту говорю. Они влюбляются, женятся, не совсем представляя, что такое семья. Именно для них. А такой человек, как Стас, он изба-

лован всеобщим вниманием. С этим, я думаю, вы спорить не станете. И он совсем не представляет, что такое брак.

— Анна Александровна, я не совсем понимаю...

— Я объясню, Маша. Я сказала, что рада отъезду Стаса, у нас с вами есть возможность поговорить. Начистоту. И я прошу вас выслушать меня внимательно, и не обижаться на меня. Я мать, и имею право беспокоиться. Я своего сына знаю. Знаю, в каких ситуациях он может быть серьёзным и проявлять упорство, а в каких отпустить ситуацию, не понимая всей серьёзности.

— Это вы сейчас про меня говорите?

— Хотела бы сказать, что да, и это всё намного бы упростило, но нет, Маша, не о вас. Я говорю об отношениях Стаса с девушками. Он редко приводил девушек в дом, но это не значит, что я мало знаю о его отношениях и романах. И я ничего не имею против вас. Вы мне даже нравитесь. Мне нравится ваша серьёзность, по крайней мере, в том плане, что относится к вашей работе. Стас говорил, что вы самостоятельно поступили в институт, работали и учились, выживали в большом городе, можно сказать, что без посторонней помощи, всё это достойно похвалы. Но, к сожалению, Маша, в семейной жизни подобное упорство вам поможет мало. И я хочу, чтобы вы это понимали.

— Мы со Стасом обсуждали...

— Вы со Стасом слишком молоды. Я вышла замуж раньше вас, и прекрасно помню, какой наивной была. Но в то же вре-

мя у меня была единственная цель: сохранить семью. У меня был ребёнок на руках, перед глазами пример родителей, воспитывавших маленького сына, и муж был... — Она неловко замолчала, красноречиво поджала губы. — Маша, я знаю, что такое мужчина в возрасте Стаса, связанный браком. А он не нагулявшийся, легко увлекающийся, полный жизни и желаний. И с возможностями эти желания реализовывать. Это очень большое искушение. И женщине рядом с ним придётся приложить много усилий, чтобы сохранить семью. Вы к этому готовы?

— Стас меня любит, Анна Александровна.

— Маша, вы ведь читали ту статью? Вы список видели? Что самое примечательное, Стас любил каждую из этих девушек. Он у меня мальчик открытый и искренний. Но сейчас он подошёл к тому возрасту, когда пришло время задумываться о создании семьи. И я не собираюсь оспаривать его решение, если он вас любит, то это замечательно. Вы хотите пожениться, я готова за вас порадоваться.

Маша облизала губы, кивнула.

— Но вы проявляете беспокойство, — сказала она, чтобы хоть что-то сказать.

— Всё правильно, я проявляю беспокойство. И я надеюсь, что я не ошиблась в вас, и вы воспримите моё беспокойство как должное.

— Да, конечно.

— Это очень хорошо. К тому же, у вас со Стасом разница...

в восприятии мира. У вас изначально были разные возможности, материальная база, вы даже воспитывались в разных реальностях. И это не может не наложить отпечатка.

– Мои родители...

– Я всё знаю о ваших родителях, Маша.

Она вскинула на неё глаза. А Анна Александровна кивнула.

– Да. Но я не считаю это критическим фактором.

Но считает лично её, Машиной, ошибкой. Вот ведь... Как там Харламов говорил: улыбайся, даже если проигрываешь? Как раз подходящий момент, улыбнуться и сбежать.

– Как я уже сказала, Маша, я не против вашего брака. Вы хорошая девушка. Наверное. Стас вас полюбил, а я его мнению доверяю. Но я не совсем представляю вашу семейную жизнь. Стас пытается наладить свою жизнь после самого сильного поражения, конец спортивной карьеры его подкосил, и только последние пару лет он нащупал почву под ногами. Я очень за него рада. Но его нужно поддерживать, как любого мужчину. А если вы будете сосредоточены на своей карьере...

– Анна Александровна, это лишь работа...

Она остановила её жестом, руку тут же опустила.

– Согласна. Это лишь работа. Надеюсь, что у вас со Стасом всё получится.

– Спасибо.

Анна Александровна растянула губы в холодной улыбке.

– Вам не за что говорить мне спасибо. – Она из-за стола поднялась. – Но у меня для вас кое-что есть.

У Маши в сознании всплыла сцена из какого-то фильма, где будущая свекровь дарит невестке что-то из семейных драгоценностей. Кольцо или брошь, жутко драгоценную и дорогую. Но Анна Александровна вернулась через минуту и в её руках была не бархатная коробочка, а папка с бумагами. Она протянула её Маше.

– Из нас двоих юрист вы, поэтому, думаю, мне не нужно вам что-то объяснять. Прочитайте и подпишите.

Маша непонимающе смотрела на неё, затем взяла папку и открыла. Глазами пробежала текст документа. Если честно, у неё уже после названия перехватило дыхание. Стало неприятно, до жжения где-то в районе желудка, захотелось поморщиться, закрыть папку и отказаться. А потом узнать, раз Анна Александровна не против их со Стасом брака, то только потому, что не верит в их отношения? Или она просто невзлюбила её, с первого взгляда, а всё, что Маша слышала в этой комнате, не больше, чем отговорки.

Пришлось кашлянуть, чтобы вернуть себе способность говорить.

– Брачный контракт?

– Я считаю, что это уместная мера предосторожности.

– И чего вы остерегаетесь? Что я выхожу замуж за вашего сына из-за денег?

Анна Александровна смотрела на неё спокойно, с оттен-

ком снисходительности.

– Нет. Я остерегаюсь вашей со Стасом молодости. Ваш брак вполне может быть неудачным. А он, простите, не мальчик с улицы, чтобы легко развестись. Поэтому я и предлагаю вам подписать, Маша. Это всего лишь бумажка.

Маша всё-таки закрыла папку и твёрдо проговорила:

– Это бумажка, Анна Александровна, которая ставит крест на нашем со Стасом браке ещё до свадьбы. Это неправильно.

– Чем? Вы юрист и отвергаете брачный контракт?

Маша взволнованно вздохнула.

– Применительно к себе – да. Это нечестно.

– А честно будет развестись через год и забрать то, что вам никогда не принадлежало?

– Я не собираюсь!.. Не собираюсь разводиться и что-то обирать!

– Тогда я не вижу проблемы. Подпишите брачный контракт.

Маша папку от себя решительно отодвинула.

– Нет.

– Нет?

– Я не буду его подписывать.

– Даже если Стас попросит?

– Он не попросит!

– Попросит, – сказала Анна Александровна и в её голосе прозвучала твёрдость. – Иначе никакой свадьбы не будет.

– Вы не можете за нас решить.

– Я могу, Маша. В том-то и дело, что я могу. И свадьбы не будет, пока вы не подпишите брачный контракт. Это моё последнее слово. И Боря встанет на мою сторону. А Стас не пойдёт против родителей, никогда такого не было и не будет. Он хочет жениться на вас только потому, что мы не возражаем. А мы не возражаем. Но у нас есть условие. В конце концов, мы принимаем вас в нашу семью, со всеми вашими родственниками. Подумайте об этом.

Маша молчала, сказать ей было нечего, да и грудь распирало от возмущения и расстройства. И в какой-то момент она не выдержала и поднялась.

– Спасибо за разговор, Анна Александровна. Я, пожалуй, пойду.

– Идите. Только возьмите папочку. – Она постучала по ней пальцем с идеальным маникюром. – Почитаете на досуге. Вдруг там всё не так страшно.

Почему-то Маша не осмелилась уйти гордо, не обернувшись. И папку забрала, схватила со стола, и тогда уже направилась к выходу. Но в последний момент в дверях остановилась, папкой потрясла, глядя с ненавистью на голубой пластик.

– Это он придумал, да?

– Дима? – уточнила Анна Александровна. Маша видела её отражение в зеркале, и отметила гордую улыбку. – Мой брат отличный адвокат, он может решить любую проблему.

А проблема семейства Тихоновых, в данный момент, это она. Неугодная невестка из провинции.

Как оказалось, ей и такси уже вызвали. Когда только успели. Маша вышла из дома, прошла по дорожке через сад, не глядя по сторонам, фигурные кусты и цветы на клумбах её больше не интересовали. Всё это казалось иллюзией, завесой, красивой картинкой перед последующими неприятностями. Которые последуют непременно, потому что здесь чужих не ждут.

Оказавшись на заднем сидении такси и назвав водителю адрес своей квартиры, Маша уже было схватила за телефон, её накрыло непреодолимое желание позвонить Стасу немедленно, рассказать, пожаловаться, и потребовать от него чёткого ответа: что он думает? Судя по спокойствию Стаса по дороге в родительский дом, он вряд ли в курсе того, что задумали его мать и дядя, и Маше хотелось услышать от него, что он тоже возмущён их поступком. Но потом, потом она решила, что в тот момент, когда она ему расскажет – а она расскажет! – ей необходимо видеть его реакцию и смотреть ему в глаза. И телефон она убрала обратно в сумку. И вместо этого открыла папку, постаралась отстранённо, профессионально прочесть документ, что ей предлагали подписать. А когда дочитала его до конца, вдумчиво, у неё появилось ещё одно желание. Взглянуть в наглые глаза другого человека. Не Стаса, а того, кто всё это задумал и составил контракт. Между прочим, контракт на её жизнь

и любовь.

– Я передумала, – сказала она водителю, – отвезите меня на площадь Свободы.

На одной из центральных улиц, рядом с площадью Свободы, в высотном офисном здании, блестящем и новом, располагалась контора Харламова. Маша никогда там не была, но прекрасно знала, где она находится. Да и вывеску видела. «Адвокатское бюро Дмитрия Харламова». Раньше она на эту вывеску с затаённой завистью посматривала, а сегодня с негодованием и возмущением. Обидно будет, если Дмитрия Александровича на месте не окажется, и он не узнает, что она о нём думает.

Миновав охрану внизу, Маша поднялась на лифте на восьмой этаж, а когда вышла, в первый момент растерялась. Оказалось, что контора Харламова занимает всё левое крыло. Половину этажа. Она почему-то рисовала себе в воображении несколько тесных кабинетов и небольшую приёмную, это и то, в понимании Маши, было успехом, а здесь целая команда, шикарный офис, бесконечные звонки и непрекращающаяся работа. Она прошла по ковровой дорожке, глядя через стеклянную стену на работающих за столами людей, ни один человек без дела не болтался. Сотрудники говорили по телефону, изучали документы, даже кофе пили, уткнувшись в экран ноутбука, и имея безумно занятой вид. Наблюдая за чужой работой, Маша даже несколько подрастеряла пыл и возмущение, почувствовала нешуточное смя-

тение и задумалась о том, что она здесь делает. Что она собирается Харламову сказать? Или ничего не говорить, а просто швырнуть ему в лицо папку с контрактом?

– Вы записаны на приём? – чуть свысока поинтересовалась у неё секретарь в приёмной.

– А он на месте?

– Дмитрий Александрович занятой человек, и если вы не записаны к нему на приём...

– А что мне нужно сделать, чтобы он принял меня без записи? Убить кого-нибудь? Я могу. Могу начать с него.

– Девушка. – Секретарь, миловидная особа средних лет, нахмурилась, обеспокоено глядя на неё. – Не нужно мне угрожать, я вызову охрану.

– Вперёд. А я пока поговорю с вашим шефом. Или как вы его называете?..

Дверь кабинета открылась, и появился Харламов. В белой рубашке, снова с закатанными рукавами, взглянул недовольно.

– Ира, что тут происходит?

– Вот, – секретарь со своего места поднялась, указала на Машу, – девушка пришла и буянит. Вас требует.

Дмитрий на Машу уставился, ни тени улыбки, разглядывал, правда, с интересом. Потом кивнул ей.

– Чего буянишь?

– Я объясню, – зловеще пообещала она, и в наглую протиснулась мимо него в кабинет.

Дмитрий хмыкнул, явно удивлённый её прытью и напором, на секретаршу глянул, сделал страшные глаза, и дверь перед ней закрыл, оставив ту без всяких объяснений.

Маша за это время остановилась посреди просторного кабинета, даже не глянув по сторонам, открыла папку и принялась зачитывать, с выражением.

– Подписывая данный документ, я, Смирнова Мария Павловна, подтверждаю своё согласие на действие брачного контракта, не ограниченного временными рамками. Я обязуюсь следовать пунктам этого контракта, и понимаю, что попытка его расторжения любыми способами, то как: порча, утеря, уничтожение или признание его недействительным в судебном порядке, означает начало бракоразводного процесса с Тихоновым Станиславом Борисовичем.

Дмитрий улыбнулся, прошёл мимо неё, присел на край своего письменного стола и сложил руки на груди.

– В том случае, если брак будет признан недействительным – интересно, как это будет доказываться? – или распадётся раньше, чем через пять лет совместной жизни, я не буду претендовать ни на какое имущество семьи Тихоновых (счета в банках, движимое и недвижимое имущество, в том числе совместно нажитое за время брака). В случае развода я имею право на алименты в фиксированной денежной сумме, которая будет определена в ходе судебного заседания.

Маша выдохлась, замолчала, а на Дмитрия взглянула убийственно. Потрясла перед ним документами.

– Что это такое?!

– Брачный контракт. Кстати, вполне стандартный. От себя я только сроки обговорил.

– От себя?! Я не за тебя выхожу замуж!

– Тише. Ты голос сорвёшь.

– Ты хоть представляешь, как я себя чувствую? Какое это унижение!

– Маша. Ты злишься.

Она всё-таки швырнула в него папкой.

– И как ты заметил?!

Дима проследил полёт папки, попробовал уклониться, но она всё равно ударилась о его плечо. Но это было не страшно, куда страшнее то, что Маша, судя по выражению её лица, собиралась его убить. Харламов решил притвориться смущённым и понимающим.

– Маш, ну ты же юрист. Это банальные вещи.

– Ставить крест на моём браке – это банальные вещи? И это не стандартный брачный контракт, ты специально!.. Ты всё продумал, каждый пункт!

Дмитрий развёл руками.

– Дорогая, я хороший юрист. Кстати, я его на коленке минут за пять набросал.

– Чем ещё в тебя кинуть?

– Ничем. Тут всё дорогое.

– Кроме твоей совести!

– Кстати, ты заметила, что мы как-то незаметно оставили

формальности и перешли на «ты»?

– Чтоб тебе пусто было!

– О, это уже неприятно.

– Он же ваш племянник, Дмитрий Александрович, зачем вы так поступаете?

– Именно потому, что он мой племянник. Я забочусь о его благополучии и финансовой состоятельности. Пытаюсь уберечь его от ошибок.

– Это я ошибка?

– Маша, не принимай всё на свой счёт. Будь на твоём месте любая другая, она бы получила точно такой контракт.

– А если бы она была... достойна стать его женой? – добавив в голос язвительности, поинтересовалась Маша. Принялась пальцы загибать. – Из хорошей семьи, с лучшим образованием, материально обеспечена. С нужными родителями.

Дмитрий потёр подбородок и усмехнулся.

– Боюсь, тогда Стасу пришлось бы подписывать брачный контракт.

– А я, значит, особой ценности не представляю?

– Это долго выяснять.

Маша головой покачала, пристально глядя на Дмитрия.

– Я не буду подписывать.

Харламов равнодушно пожал плечами.

– Твоё дело. – Сказал и отвернулся, прошёл за свой стол.

А Маша наблюдала за ним, и, надо признать, что в панике.

– Что это значит?

– Ничего не значит. Не хочешь подписывать – не подписывай.

– Вот так просто?

Он локти на стол поставил, пальцы сцепил и уткнулся в них подбородком. На Машу смотрел. Она нервничала, была зла и на него смотрела в сильном возмущении, замешанном на бессилии.

– Детка, чего ты хочешь от меня? Или всерьёз считаешь, что меня сильно волнует, на ком племянник женится? Если не ты, будет другая. И для таких серьёзных раздумий, у него есть родители. Моё дело маленькое.

– Да, составить отвязный брачный контракт, который больше напоминает рабский договор, словно я себя в аренду ему сдаю.

– Ты мне льстишь. И я уверен, что если ты хорошо подумаешь, то обязательно найдёшь лазейку. А то и две. Посмотри его хорошенько, я оставил тебе подсказку. – Он разулыбался.

– Пошёл ты знаешь куда, со своими подсказками? Я не буду его подписывать!

– Тогда поезжай обратно, и скажи это Ане. Я, честно, уже утомился слушать твои жалобы.

Маша выдохнула, осенённая догадкой.

– Она тебе звонила? Господи, как я не догадалась? Я за порог, а она тебе звонить! Отчитаться, как всё прошло. То-то ты не особо удивился, когда у своей двери меня обнаружил!

Хвататься за голову при этом мерзавце она не стала, сумку на плечо закинула и из кабинета выскочила. Хотела дверью хлопнуть, но передумала и вместо этого Харламова обличила:

– Это ты всё! Ты всё решаешь, а не она!

– Ты мне льстишь, – повторил он громко, и заметно веселясь. – Но мне приятно!

А Маша, наконец, позволила себе хлопнуть дверью, прямо у носа переполошённой секретарши, которая, видимо, топталась всё это время под дверью кабинета шефа. На Машу глаза таращила, а та ей в сердцах сообщила:

– Вы работаете на первостатейного негодяя. Надеюсь, он хорошо вам платит!

Дима, как только переступил порог гостиной Тихоновых, тут же раскаялся в том, что воспринял просьбу сестры всерьёз и приехал, можно сказать, по первому её зову. Аня позвонила и потребовала его присутствия, не смотря на то, что время было вечернее и у Харламова были свои планы на этот вечер. Но её тон звучал серьёзно, и не оставлял манёвра для увиливания. И Дима знал, что когда сестра говорит с настолько каменными интонациями, что даже для её сдержанного характера явный перебор, то стоит поехать и разобраться во всём самому. Но, увидев в гостиной племянника, что расхаживал по комнате с негодующим видом, понял, в какую ловушку его заманили, но разворачиваться и бежать было поздно, сестра его заметила, и бегства не простит. Дмитрий вошёл, но счёл необходимым предупредить:

– Мне уже порядком надоела эта история.

Анна Александровна взглянула на брата с укором, а Борис посетовал:

– Даже не думал, что женить сына, это такая проблема.

– А ты, вообще, никогда не думаешь о том, что нужно ребёнку. Для тебя это мелочи, – возмутилась Анна Александровна. – Сам вырастит, сам решит свои проблемы!

– Мама, я даже мечтать не могу, чтобы ты прислушалась к отцу.

Вечер грозил затянуться. Дмитрий вздохнул, снял пиджак и небрежно кинул его на спинку кресла рядом. Уселся на диван и подтянул к себе Афанасия, потрепал того между ушами. Странно, но кот даже не предпринял попытки вырваться и убежать. Сидел и наблюдал за тем, как люди ругались друг на друга, таращил глаза и шевелил ушами. Выглядел озадаченным и заинтересованным.

– Вот и не мечтай! И спасибо матери скажи. Я все твои проблемы решала, всю твою жизнь. Можно подумать, что ты хотел заниматься плаванием или поступать в институт. Нет, ты вспомни! Кто тебя убедил, вложил в твою голову эти мысли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.